Люди мужества

Александр Иванович Черешнев

SHOUT
SHARE
IT

- Черешнев Александр Иванович

Черешнев Александр Иванович
Люди мужества

Черешнев Александр Иванович

Люди мужества

Аннотация издательства: Автор - бывший штурман тяжелого бомбардировщика. Он водил свой крылатый гигант по многим маршрутам: над горными хребтами Кавказа и Крыма, над лесами Брянщины и волжскими берегами, над огненной Орловско-Курской дугой и по глубоким вражеским тылам. В ужасе никли к земле оккупанты, когда над ними появлялись корабли авиации дальнего действия; с радостью встречали друзей с Большой земли народные мстители. В книге тепло, с любовью рассказывается о людях подлинного мужества - летчиках и штурманах, политработниках и техниках, внесших достойный вклад в дело победы над немецко-фашистской Германией.

Содержание

Из школы - на войну
Огненная дуга
К брянским партизанам
На Ленинградском фронте
Особо важное задание
Победные маршруты
Четверть века спустя

Из школы - на войну

1

Москва. 1942 год. Ноябрь...

Я прибыл в штаб авиации дальнего действия. Курсантская жизнь позади. Наконец-то мечта выехать на фронт должна осуществиться...

В отделе кадров высокий плотный подполковник спросил, хорошо ли доехал, здоров ли, не голоден ли, и лишь после этого сказал:

- Вы направляетесь в 325-й бомбардировочный авиационный полк. Его называют полком Счетчикова.

Он пригласил меня к висевшей на стене большой карте.

- Вот здесь аэродром, а штаб дивизии в сорока километрах.

Подполковник пожал мне руку, пожелал счастливого пути и, вложив мое личное дело в большой бумажный пакет, добавил:

- Документы пойдут следом за вами.

На Казанском вокзале красноармейцы и командиры толпились у билетных касс, в залах ожидания. Некоторые спали

на длинных лавках, другие прямо на полу, подложив под голову вещевые мешки. Дежурные по вокзалу, проходя мимо, ворчали, но никого не будили. Женщина с красной повязкой на рукаве подняла откатившуюся от изголовья молоденького красноармейца шапку-ушанку, аккуратно отряхнула и положила рядом с ним. Она долго всматривалась в круглое, совсем мальчишечье лицо, вздохнула:

- Отдохни, сынок, на фронте-то вряд ли придется...

Вручая мне билет, кассирша объяснила:

- Поезд отправляется через тридцать минут.

Я выбежал на перрон. Со всех сторон состав обступили пассажиры. Впереди меня пробивались к вагону военные в летной форме.

Через несколько минут мы оказались в одном купе. Все направлялись на юг, в авиационные полки, которые базировались в районе Сталинграда.

Ехали быстро, поезд лишь изредка останавливался на больших станциях. В вагоне давно улеглось возбуждение, вызванное прощанием с Москвой. За окном была ночь, но авиаторы не спали, разговор не умолкал.

Рядом со мной сидел двадцатилетний юноша Вася Кошелев. Из-под его густых бровей весело смотрели большие голубые глаза. За столиком разместился круглолицый, черноглазый казах Курал Рустемов. Он ровесник Кошелеву. Третьим пассажиром, ехавшим с нами в одну часть, был русоволосый Миша Сысуев. По возрасту он моложе всех, ему шел девятнадцатый. Миша посмотрел на нас добрыми васильковыми глазами, достал из чемодана полбуханки домашнего хлеба и, раздав нам по равной доле, сказал:

- Ешьте, ребята, теперь мы однополчане.

Василий принес четыре кружки кипятку, Курал положил на столик две сушеные рыбины, а я угостил друзей сахаром.

Познакомились ближе. Кошелев - орловчанин, сын майора-чекиста. Рустемов - выходец из семьи чимкентских землеробов, с двенадцатилетнего возраста воспитывался в детском доме. Сысуев - колхозник из мордовского села Посоп. У всех среднее образование. Трое летчиков и один штурман.

Беседовали до поздней ночи. Вспоминали, где кого застала война, рассказывали разные случаи из своей недавней курсантской жизни.

Наконец Кошелев и Сысуев, прижавшись друг к другу, задремали. Вскоре заснул и Курал.

Мне не спалось. Мысли уносили в далекое детство... На берегу реки Дёмы - родное село Кирсаново. В центре его, рядом с

красивым поповским домом, утопающим в зелени большого сада, стояла наша двухоконная, под соломенной крышей, избенка. Она подслеповато смотрела на запад, где за длинным казенным амбаром были разбросаны посеревшие от времени и дождей деревянные кресты сельского кладбища.

Мать наша, Аграфена Ефимовна, вечно была озабочена: чем накормить, во что обуть нас, четверых детей. Долгие зимние ночи просиживала она за прялкой, а в знойные дни летней страды батрачила на полях зажиточных крестьян.

По вечерам семья собиралась у костра. В закопченном ведерке кипела вода; мать и сестра Соня натирали галушки, старшие братья, Петр и Михаил, подбрасывали хворост в огонь.

Без отца нам было нелегко. Он погиб в империалистическую войну. В памяти моей осталась фотография, висевшая в избе на простенке. По рассказам односельчан, отец пал в бою с немцами недалеко от города Проскурова. "Там, в украинском селе Евнушково, похоронили мы Ивана Павловича", - говорил наш сосед Иван Евстигнеевич Савельев, который служил и воевал вместе с отцом в Самарском Измаильском полку.

И вот снова война с Германией. Теперь уже с фашистской. Жестокая, кровопролитная война...

Поезд мчался на всех парах. Еще быстрее проносились в памяти картины пережитого...

Училище штурманов. Госэкзамен. Каждый мечтает летать на новых бомбардировщиках конструкции Сергея Владимировича Ильюшина. В училище появились два таких красавца. ДБ-3Ф отличался хорошим навигационным оборудованием, большей скоростью. Преподаватель разрешил ознакомиться с самолетом, посмотреть на приборы в кабинах штурмана и летчика. Слышали мы и о том, что созданы и другие новейшие бомбардировщики: СБ, Пе-2...

Война распорядилась нами по-своему. Второго июля 1941 года большая группа выпускников училища выехала на Юго-Западный фронт в распоряжение командования 164-й резервной авиабригады. Тогда нам казалось, что война может окончиться без нас. Мы думали: враг будет разгромлен очень скоро, поэтому каждому хотелось побыстрее попасть на фронт, вступить в бой с фашистами. Но, услышав 3 июля речь Председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина по радио, поняли: война будет большой, кровопролитной и затяжной...

В резерве мы находились недолго. Самолетов не хватало, и нас отправили в тыл для обучения ночным полетам.

Запомнился жаркий июльский день. Поезд прибыл на небольшую станцию в степи. Разомлевшие, недовольные тем, что

нас отозвали с фронта, мы сошли на перрон, построились. Сопровождавший нас капитан, застегнув воротник коверкотовой гимнастерки, подал команду:

- Шагом марш!

И длинная колонна молодых авиаторов зашагала по пыльной дороге. Азиатское солнце, казалось, плавило все вокруг. Резиновые подошвы кирзовых сапог нагрелись так, что обжигали ступни. Хотелось все сбросить с себя и окатиться холодной водой. Но мы шли.

Остановились на большом аэродроме, около длинного одноэтажного здания. Едва успели стереть пот, подтянуть ремни, как снова раздалась команда:

- Смирно!

К нам подходил высокий, стройный генерал. На его груди блестела Золотая Звезда Героя.

- Штурман Беляков! - восторженно сказал кто-то. Я вспомнил о легендарном перелете самолета АНТ-25 через Северный полюс в Америку. Это было летом 1937 года, все центральные газеты поместили снимок мужественного экипажа, командиром которого был В. П. Чкалов, вторым пилотом Г. Ф. Байдуков и штурманом А. В. Беляков.

С появлением Александра Васильевича строй оживился. Генерал поздоровался. Затем внимательно осмотрел всех и спросил:

- Вам известно, куда вы приехали?

Кто-то ответил.

- Да, здесь высшая школа штурманов, - подтвердил Александр Васильевич. Он прошел вдоль строя, вернулся на середину.

- Кто летал ночью, поднимите руки!

- Над шеренгами показалось всего лишь три руки: подняли их два лейтенанта и капитан.

- Ну вот, а воевать собрались! - полушутливо сказал начальник школы и уже серьезно добавил: - Настоящие штурманы бомбят днем и ночью, в любую погоду...

Наступила тишина. Генерал еще раз окинул нас взглядом.

- Что ж, будем учиться!

И мы учились. Напряженно, без передышки. Днем в классах, ночью на самолетах. Летали на больших высотах, по большим маршрутам. При этом использовали радиосредства, компасную навигацию - все, что требовала программа обучения штурмана-ночника. С нами всегда и всюду был генерал-майор Беляков.

...Сильный толчок разбудил нас.

- Высаживайтесь, ваша станция! - весело объявила молоденькая проводница.

В штабе 62-й дивизии АДД нас задержали ненадолго. Оказалось, что полк расположен недалеко от станции-тупичка, куда ходит специальный поезд из трех вагонов. Уже к вечеру мы ехали пригородным поездом в свою часть.

Штаб полка, куда нам предстояло прибыть, находился в центре районного села. Нас встретил помощник дежурного по гарнизону. Было темно. Беззвездное черное небо. Дома с затемненными окнами тонули во мраке. Улицы безмолвны и пустынны. Кругом тишина, только высоко в небе надрывно гудел какой-то самолет.

У небольшого деревянного дома помдеж остановился, тщательно втоптал в землю недокуренную папиросу, затем, обернувшись, сказал:

- Вот и штаб.

За столом, склонившись над картой, сидел майор. При скудном свете самодельной лампы мы увидели его суровое, но приятное лицо. Он встал. Большие голубые глаза блеснули любопытством. Наш сопровождающий доложил:

- Группа сержантов прибыла в ваше распоряжение.

- Садитесь, товарищи. Давайте знакомиться, - сказал майор. - Я командир эскадрильи Кацюржинский Григорий Захарович. В состав экипажей включим после того, как проверим вашу подготовку на практике. Введем в строй - тогда будете летать на боевые задания. Вопросы есть?

Курал встал, вытянулся в струнку и спросил:

- Почему часть называют полком Счетчикова?

- Майор Георгий Семенович Счетчиков - первый командир этой части. Он подготовил летный состав к боевым действиям в ночных условиях, и первого сентября сорок первого года полк получил боевое крещение - нанес бомбовый удар по группе танков армии Гудериана в районе Новгород-Северского.

Кацюржинский посмотрел на нас и, убедившись, что мы слушаем его с большим интересом, продолжал:

- Майор Счетчиков пользовался у нас большим уважением и авторитетом. И даже после того, как он был переведен в другую часть, наш полк продолжают называть его именем. Летчики любили его за то, что он лично летал почти на все боевые задания, всегда первым появлялся над целью.

Командир эскадрильи рассказал нам несколько эпизодов из летной жизни Георгия Семеновича. Особенно запомнился один из них.

В конце сентября сорок первого года авиаторы во главе со своим командиром Счетчиковым вылетели на бомбежку наземных вражеских войск в районе Шостка. Цель была защищена

многослойным огнем зенитной артиллерии, автоматическими пушками "Эрликон", а на подступах к ней патрулировали "мессершмитты". Но, Несмотря на сильный огонь противника, флагманский корабль прорвался к цели, осветил ее и, сделав несколько заходов, сбросил 2200 килограммов бомб. На земле возникли большие пожары, взрывы. Вслед за ведущим успешно отбомбились и ведомые.

Когда самолет командира вернулся на свой аэродром, однополчане были удивлены: как же майор сумел дотянуть это решето до аэродрома?!

Вся обшивка ТБ-3 была изодрана осколками снарядов - 475 пробоин насчитали техники на самолете Счетчикова...

От Григория Захаровича Кацюржинского мы узнали о боевом пути 325-го авиаполка. Наша часть вместе с другими участвовала в обороне Севастополя, обеспечивала всем необходимым крымских партизан. Во время бомбардировки вражеского аэродрома Сарабус было уничтожено до ста самолетов противника. Бесстрашные экипажи разрушили завод искусственного горючего, которым очень дорожили фашисты, вывели из строя большое количество живой силы и техники врага на аэродромах, железнодорожных станциях Северного Кавказа.

Теперь, с сентября 1942 года, полк начал действовать в районе Сталинграда.

- А где же сейчас майор Счетчиков? - спросил сержант Рустемов.

- Его назначили заместителем командира дивизии.

После беседы мы вышли из штаба.

Общежитие летного состава находилось в центре села. Адъютант эскадрильи провел нас в большую комнату.

- Занимайте свободные койки.

- Как в хорошей гостинице, - удивился Курал.

Мы еще долго не могли уснуть под впечатлением встречи с командиром эскадрильи. Григорий Захарович был кадровым авиатором. Еще в 1932 году его, как коммуниста, по спецнабору направили на учебу в Луганскую военную школу летчиков. В 325-м полку майор Кацюржинский со дня его формирования. На фронте с первых дней войны. 24 февраля 1942 года за образцовое выполнение боевых заданий Г. З. Кацюржинский был награжден орденом Красного Знамени.

- У такого командира есть чему поучиться, - с гордостью сказал Василий Кошелев. - Очень хочется, чтобы майор остался доволен нами.

- Его доверие, а тем более похвалу надо еще заслужить, - резонно заметил Рустемов.

2

Утром на построении личного состава майор Кацюржинский представил нас сослуживцам. Затем он зачитал приказ командира полка о зачислении Кошелева Василия Павловича, Сысуева Михаила Петровича и Рустемова Курала Рустемовича вторыми пилотами, а меня штурманом на тяжелый бомбардировщик ТБ-3. Мы с Кошелевым оказались в одном отряде, где командиром был капитан Трушкин Афанасий Николаевич.

После завтрака меня вызвали в штаб эскадрильи.

- Старший сержант Черешнев? - спросил капитан с широкими черными бровями.

- Так точно.

- Садитесь, поговорим, - пригласил он. - Будем знакомы. Штурман эскадрильи Андрей Евдокимович Соломонов.

Капитан подробно рассказал о программе, которую мне предстояло пройти, прежде чем приступить к самостоятельным боевым полетам в качестве штурмана корабля.

И вот новое пополнение включилось в напряженную прифронтовую жизнь. Днем и ночью над аэродромом кружились самолеты. Под руководством опытных командиров-инструкторов летчики отрабатывали технику пилотирования, а штурманы - технику самолетовождения и бомбометания, практиковались в настройке радиополукомпаса РПК-2, визуальной и радиоориентировке, летали на полигон, сбрасывали боевые бомбы ФАБ-100. Воздушные стрелки тренировались в стрельбе по коуусам, буксируемым самолетами, и наземным целям. В воздухе беспрерывно раздавалась пулеметная трескотня...

24 декабря последний тренировочный полет. Командир эскадрильи проверял мою готовность к боевым действиям.

ТБ-3 поднялся в воздух. Записав время отхода от аэродрома, я стал следить за компасом и прокладывать на карте линию фактического пути. Полет проходил по неизвестному для меня маршруту, при закрытой кабине - остекление было занавешено шторками. Не видя земных ориентиров, я должен был в любую минуту доложить командиру, где пролетаем.

Прибор показывал, что мы находимся на высоте 1000 метров. Мерно гудели моторы. На четвертом развороте я записал данные и по карте определил, что через несколько минут под нами будет Тамбов. "Сейчас майор спросит, где находимся, и сделает разворот", - подумал я и приготовил линейку и карандаш. Но вместо этого самолет круто пошел на снижение. К монотонному звуку двигателей примешивался какой-то другой, резкий звук. Я вошел в кабину летчиков и с их мостика увидел: над нами повисли два истребителя. Что такое?

- Свои! - крикнул майор. - Приказывают садиться.

Сделав разворот, командир убрал газ, начал планировать. Два краснозвездных "ястребка" промчались над нами и, выполнив круг над аэродромом, произвели посадку.

Оказалось, о нашем учебном полете Тамбов ничего не знал, и истребителям ПВО было приказано задержать "нарушителя".

В землянке, где находился командный пункт, у Кацюржинского потребовали документы, проверили наш учебный маршрут на карте, посмотрели записи в бортовом журнале, опросили экипаж о цели полета.

Майор отчитывался, а я сидел за столиком, погрузившись в раздумье. Все ли у меня хорошо получилось? Допустят ли к боевым полетам? Хотелось быстрее собственными руками обрушить на врага смертоносный груз...

- Идемте! - услышал я голос комэска. - Разрешение на вылет получено.

Испытание на готовность к боевым действиям я выдержал.

- Поздравляю вас, - крепко пожал мне руку командир эскадрильи.

На второй день резко похолодало. Дул сильный ветер. Одетые во все меховое, мы собрались в землянке, на КП аэродрома. Разместились поэкипажно за длинным столом, разложив перед собой карты и штурманское снаряжение.

Командир полка попросил начальника штаба Андреева Романа Васильевича зачитать приказ о боевом расчете. Мне предстояло лететь в экипаже, где командиром был капитан Афанасий Николаевич Трушкин, а поверяющим - штурман нашего отряда старший лейтенант Пасиченко Трофим Платонович. Узнав об этом, я обрадовался. Трушкин и Пасиченко с первых дней войны в действующем полку. На их счету много боевых вылетов. Они летали в сложных условиях под Москвой в 1941 году, в непроглядно темные ночи на Кавказе и в Крыму в 1942 году, а теперь - под Сталинградом. Вторым пилотом оказался Вася Кошелев. Он хлопнул меня по плечу и весело сказал:

- Снова вместе, вот здорово!

От этих слов стало как-то теплее.

Штурман полка капитан Степин Павел Николаевич повесил перед нами карту с проложенным маршрутом. Черная линия заданного пути уходила на юг, затем от характерной излучины Дона поворачивала на юго-запад и упиралась в красный кружок, окаймляющий крупный железнодорожный узел.

- Бомбардировочный удар будем наносить по скоплению гитлеровцев на станции Лихая, - сказал капитан. - Противник подтягивает туда эшелоны с танками, артиллерией и пехотой.

Степин взял со стола указку, показал контрольные ориентиры, сообщил данные о магнитно-путевых углах, о расстоянии, максимальных высотах и подошел к нам. Он был невысокого роста, стройный. Позже я узнал, что наш штурман родился в крестьянской семье, в Саратовской области. В 1931 году с матерью, тремя братишками и сестренкой переехал в Магнитогорск, где его отец строил металлургический комбинат. По спецнабору ЦК ВЛКСМ в 1937 году был направлен в военное училище штурманов, спустя три года молодого лейтенанта, как отличника, оставили в училище. Вначале он был инструктором, затем преподавал воздушную навигацию.

В июле 1941 года с группой добровольцев Степин уехал на фронт. Он летал на бомбардировку военных объектов в тылу противника, приобрел опыт боевой работы в ночных условиях и недавно назначен штурманом полка.

Теперь этот двадцатидвухлетний блондин с улыбчивыми глазами стоял перед нами. Его грудь украшали боевые награды.

- Обратите внимание на линию фронта, - сказал капитан, - она может служить световым ориентиром, а цель изучайте по фотоснимкам.

В землянку вошел командир полка.

- Готовы? - спросил он.

- Так точно! - Доложил Степин.

Я аккуратно свернул полетную карту, заложил ее в планшет и вместе с Кошелевым пошел на самолетную стоянку.

На заснеженной окраине аэродрома стояли ширококрылые ТБ-3. Их плоскости издали напоминали шиферные крыши. В тридцатые годы, когда тяжелый бомбардировщик был создан группой конструкторов А. Н. Туполева, он считался самой большой машиной в мире. И если уступал, то разве только знаменитому "Максиму Горькому" и германскому гидросамолету ДО-Х. Его полетный вес составлял 32 400 килограммов. Бомбардировочное оборудование позволяло подвешивать до 5000 килограммов бомб разного калибра, а 8000 литров горючего обеспечивали беспосадочный перелет на расстояние до 2000 километров.

К сороковым годам авиация совершила рывок вперед. В небе появился бомбардировщик, выгодно отличающийся от старого ТБ-3. Он был с убирающимися шасси, закрытой прозрачным фонарем кабиной летчиков, а главное - у нового самолета были больше скорость, радиус действия и выше потолок.

Таким образом, четырехмоторный гигант с размахом крыльев 48 метров, громоздкой системой водяного охлаждения и крейсерской скоростью 140 километров в час оказался

устаревшим. Но в первый период войны нам пришлось мобилизовать все средства борьбы, и ТБ-3 использовался в качестве ночного тяжелого бомбардировщика в битвах под Москвой, Сталинградом, в сражении на Курской дуге...

Мы подошли к машине с хвостовым номером "шесть". Ее экипаж был нам знаком еще по тренировочным полетам. У крайнего двигателя на стремянке стояли двое: совсем молоденький техник-лейтенант Алексей Плаксенко и кареглазый, среднего роста старший техник-лейтенант Александр Соловьев. Они доливали в радиатор антифриз - жидкость, не допускающую замерзания воды в системе охлаждения при сильных морозах. Стрелок-радист Ваня Меркулов уже зарядил свой кинжальный пулемет - один из трех крупнокалиберных пулеметов системы Березина, установленных на ТБ-3, и начал проверять радиостанцию РСБ-5.

В центре фюзеляжа высился плексигласовый колпак другой турельной установки. Башенный стрелок Феофан Дробушков протирал ее. В хвостовой кабине возле третьего пулемета укладывал патронные ленты воздушный стрелок Вася Устименко.

Соловьев оттащил стремянку от самолета и, прихрамывая, подошел ко мне, чтобы помочь подогнать подвесные ремни парашюта. В полку все знали, что старший техник отряда Александр Иванович Соловьев болен ревматизмом, постоянные боли в ногах мешали ему летать. Но он не считался с этим и не упускал возможности участвовать в боевых вылетах.

Командир отряда Трушкин принял рапорт Соловьева о готовности машины, обошел ее, посмотрел подвеску бомб.

- Сколько горючего?

- Под пробку! - ответил старший техник-лейтенант.

- Хорошо, - одобрил капитан. - Цель дальняя, и лишний килограмм не помешает.

На старте раздался выстрел, и наступившую темноту разрезал яркий свет зеленой ракеты. Вечернюю тишину нарушили хлопки запускаемых моторов, затем рокот и завывающий гул заглушил все звуки. Трушкин дал газ, и самолет, качаясь, пополз со стоянки по неровному грунту. Пасиченко стоял на мостике в передней рубке и, размахивая флажками, помогал летчикам выруливать машину. Я сидел за штурманским столиком у левого борта и наблюдал за взлетом кораблей полка. Из-под гигантских крыльев вырывались поднимаемые четырьмя винтами снежные вихри. Тяжелый бомбардировщик исчезал в облаке снега; только в конце летного поля из этого облака вспыхивали трехцветные аэронавигационные огни (АНО) - машина отрывалась от земли.

Наш ТБ-3 пробежал весь аэродром и над черными оврагами

повис в воздухе. Мелькнула извилистая речушка Цна. Стрелка высотомера медленно поползла вправо по циферблату - 300, 400, 500... Я сличил карту с местностью и выключил свет в кабине. Моторы надрывно гудели: гау-гау-гау...

Кругом темно. Только по звездам можно определить, где небо, где земля. Но чем выше поднимался наш корабль, тем лучше становилась видимость, глаз привыкал, и я уже начал различать крупные ориентиры. За рекой Медведица еще раз сличил карту с местностью, уточнил путевую скорость, рассчитал время прибытия к контрольному ориентиру и стал его ждать. Чем ближе мы подлетали к руслу Дона, тем напряженнее я всматривался в его берега. Мне хотелось рассмотреть, где немцы, где наши. Но, как я ни всматривался, увидеть почти ничего не мог. С высоты 2100 метров ночью видны были только вспышки артиллерийского огня, пулеметные трассы и взрывы бомб, сбрасываемых с невидимых для меня самолетов.

Мы развернулись на юго-запад. Я продолжал смотреть вниз. От сильного напряжения слезились глаза, и я с досадой смахивал рукавом комбинезона соленую влагу с лица. "Найду ли цель, поражу ли ее бомбами в первом вылете?" - все чаще мучили меня мысли. Как бы отгадав их, ко мне подошел Пасиченко. Он посмотрел на горизонт, сказал:

- Смотри, скоро наш лидер сбросит САБы, потом начнем бомбить.

И действительно, вскоре темный горизонт разрезал сноп света, сброшенные САБы (светящиеся авиабомбы) сначала как бы повисли, а затем начали опускаться, все ярче освещая железнодорожный узел - станцию Лихая. И тут же вспыхнули лучи вражеских прожекторов. Гитлеровцы открыли огонь из орудий зенитной артиллерии, в черное небо взлетали красные шары - снаряды автоматической пушки "Эрликон". Счетверенные пулеметные установки прошивали ночной горизонт трассирующими пулями.

- Началось! - крикнул мне Пасиченко. - Переходи на прицел. Не забудь снять бомбардировочное вооружение с предохранителя!

В объективе прицела я увидел столб огня, он двигался по курсовой черте нам навстречу, точно светящаяся лампочка на тренажере. Бомбы рвались все чаще и чаще. На южной окраине станции что-то вспыхнуло, и огненное зарево с каждой секундой разрасталось. Я подал команду: "На боевой!" Это означало, что самолет вошел в зону прицеливания, лег на боевой курс, изменить который ничто уже не могло: маневрирование здесь равносильно нарушению приказа.

Капитан Трушкин и сержант Кошелев словно застыли и

срослись со своими огромными штурвалами. Замерли стрелки компаса и высотомера. Прошло несколько томительных секунд, и две бомбы весом по 250 килограммов полетели вниз. По моему сигналу летчики сделали разворот влево и снова зашли на цель. Я открыл бомболюки и прильнул к прицелу. На станции Лихая бушевало море огня. Вдруг кабину ярко осветило, в ней стало неуютно, она сразу сделалась какой-то чужой. Взрывы снарядов стали вспыхивать возле самолета.

Закрыв правый глаз, я напряг левый и с трудом уловил цель - она была уже на перекрестии. Бомбы сбросил залпом, стокилограммовые фугаски с грохотом вывалились из кассет бомболюков и полетели вниз.

Я подал сигнал: "Бомбы сброшены". Летчики тотчас же развернулись вправо, чтобы быстрее оторваться от ослепительных лучей. Но вражеские прожекторы цепко держали в своих щупальцах наш ТБ-3.

Скорость самолета достигала предела. От перегрузки старенький бомбардировщик дрожал. Меня прижало к сиденью, будто придавило тяжелым камнем. Но и в такой непривычной обстановке я видел, как рвались бомбы над целью, успел сосчитать 5 крупных и 12 мелких очагов пожара. Станция Лихая была охвачена почти сплошным пламенем. Что-то беспрерывно рвалось, вспыхивали то синие, то желтые, то ярко-красные огни.

- Хорошо отбомбились! - крикнул мне штурман отряда, и тут же наши стрелки открыли огонь из всех пулеметов: нас атаковал "Мессершмитт-110".

Завязался воздушный бой. Летчики, убрав газ, начали маневрировать. Самолет резко пошел на снижение. Меня снова прижало к сиденью. Четырехмоторную громадину бросало то вправо, то влево...

Наконец стервятник потерял нас, и мы на малой высоте пересекли Дон, но только уже в другом месте. Ни вспышек орудийных выстрелов, ни взрывов бомб, ни светящихся трасс пулеметной пальбы я уже не видел: то ли переместилась линия фронта, то ли уснули под утро усталые солдаты.

На командном пункте было людно и шумно. Почти все экипажи вернулись с задания. Командир полка принимал рапорты от летчиков, а штурманы, сидя за столом, писали боевые донесения. Капитан Степин поздравил меня с боевым крещением, усадил рядом с собой и спросил:

- Как полет?

- Нормально, - ответил я смущенно.

- Не страшно было?

Я промолчал.

- Это не на полигоне, а на войне, - заметил Степин.

Дверь землянки широко распахнулась, вошел штурман майор Зуб Трофим Степанович, о котором мы уже были наслышаны как о самом неунывающем человеке в полку.

- Ну и дали мы им! Долго будут помнить гитлеровцы станцию Лихую, шумел он, не стесняясь полкового начальства.

Зуб снял меховой шлем, примятые русые волосы упали на лоб. Ему было за сорок, но сейчас он мало чем отличался от нас. Всеобщее возбуждение как бы уравняло возраст всех летчиков.

На следующий день капитан Стенин показал мне фотоснимки:

- Смотрите, Черешнев. Бомбы, сброшенные с самолетов нашего полка, упали кучно, цель поражена. И ваши бомбы здесь.

Только тогда я наконец-то успокоился. А то ведь все время как-то не верилось, что среди бомб, обрушившихся на узловую станцию, были и мои.

Чуть позже штурман отряда Пасиченко сказал мне:

- Сегодня опять летим. На ту же цель. От взлета до посадки будешь делать все сам. Понял?

- Понял, товарищ старший лейтенант, - ответил я и начал готовить снаряжение.

Ко мне подошел штурман Петров Евгений Иванович. Он сел рядом и, улыбаясь, спросил:

- Как думаешь, почему нас посылают вторично бомбить Лихую? Ведь цель поражена.

О тактическом значении повторных бомбардировок узловых станций мне уже рассказывал старший лейтенант Пасиченко.

- Чтобы противник не смог быстро восстановить работу узла, - ответил я не задумываясь.

- Правильно, - согласился Петров. - Наша задача - не дать врагу передышки, особенно ночью, срывать доставку войск к фронту.

С лейтенантом Петровым я познакомился на второй же день после прибытия в полк. Койки наши оказались рядом, мы вместе ходили в столовую, ездили на аэродром. Не раз становились рядом на эскадрильском построении. Плотный высокий блондин, спокойный, даже немного медлительный, он стал для меня образцом. Еще в 1940 году он окончил военное училище штурманов. УЧИЛСЯ хорошо, и его оставили на инструкторской работе. Получив отпуск, Петров уехал на родину в Горьковскую область, где жила его любимая девушка Нина. В училище он вернулся с молодой женой. Но не успел обжиться, как услышал страшное слово "война!"

Многие его сослуживцы вскоре выехали на фронт. Подал

рапорт и Петров. Но ему отказали. Только в ноябре 1941 года он был зачислен в 325-й полк. Не раз участвовал в жарких воздушных боях, развернувшихся на Кавказе.

В мае 1942 года экипаж, в котором он летал, после выполнения задания возвращался на свой аэродром. День был пасмурный. Небо затянуло плотной серой облачной массой. ТБ-3 спокойно шел на высоте 100 метров над таманским побережьем. И вдруг из облаков выскочили три фашистских истребителя. Пользуясь внезапностью, "фокке-вульфы" подожгли ТБ-3 и тут же снова скрылись в облаках. Только благодаря высокому летному мастерству и большой выдержке командира корабля лейтенанта Николая Саввича Ганюшкина горящую машину удалось посадить на береговую черту...

В другой раз штурмана Петрова и его боевых товарищей беда настигла над Азовским морем. Темной июльской ночью самолет подходил к цели. Надо было нанести бомбардировочный удар по скоплению вражеских сил в Мариупольском порту. На высоте 2000 метров завязался бой. Два "мессершмитта" беспрерывно атаковали ТБ-3. Первые атаки были успешно отражены. Но вот кончились патроны, и фашистские стервятники подошли вплотную, открыли огонь из пулеметов и пушек. ТБ-3 загорелся. Экипаж выпрыгнул с парашютами.

Всю ночь Петров и пятеро его товарищей плавали в волнах Азовского моря. Утром их подобрал советский рыболовный баркас и доставил к пристани.

За мужество и отвагу лейтенант Петров был награжден орденом Красной Звезды. Он охотно делился боевым опытом, и я всегда слушал его внимательно.

- Желаю тебе хорошего начала боевого пути! - сказал Петров.

- Сегодня полечу во второй раз, - напомнил я лейтенанту, складывая карты в планшет.

- Ни пуха ни пера!

3

Шли дни напряженной боевой работы. Постепенно я втягивался в ритм фронтовой жизни полка, все чаще встречался с интересными людьми.

Одним из старожилов полка был штурман Аверин Виктор Иванович. Он бесстрашно выполнял любое задание командования, и нам, молодым авиаторам, хотелось побольше узнать о нем.

Однажды в непогожий декабрьский день мы попросили младшего лейтенанта рассказать какой-нибудь боевой эпизод. Виктор Иванович согласился.

- Наш экипаж, где командиром был старший лейтенант

Трусько Иван Яковлевич, вторым пилотом старший сержант Рагозин Михаил Иванович, - начал он свой рассказ, - 23 сентября 1942 года получил задание уничтожить скопление живой силы и техники противника в балках, примыкающих к тракторному заводу.

- А где этот завод? - спросил Курал Рустемов.

- В Сталинграде, - ответил Аверин. - Так вот. Мы тщательно подготовились и вылетели. Погода по маршруту и в районе цели была ясная, светила полная луна. При подходе к Сталинграду увидели большие пожары. Город горел. Я поставил курс на цель и дал команду летчикам: "На боевой!"

Самолет на высоте 2500 метров повис над целью. Нас сразу же схватили лучи вражеских прожекторов. Начался интенсивный обстрел из зенитной артиллерии и автоматических пушек. В первом заходе я сбросил две пятисоткилограммовые ротативно-рассеивающие авиационные бомбы, затем фугасные.

На четвертом заходе прожекторы погасли, и зенитный огонь прекратился. Я подумал, что, наверно, в воздухе вражеские истребители, но сообщить об этом экипажу не успел: снова приближалась цель. Только сбросил бомбы, наши стрелки открыли огонь. С задней сферы нас атаковали два "мессера". Трусько развернул машину и начал маневрировать.

Стервятники носились вокруг самолета до тех пор, пока у наших стрелков не кончились патроны. Воспользовавшись этим, один из "мессершмиттов" зашел сверху и ударил из пушек и пулеметов. ТБ-3 загорелся, вошел в левую спираль и начал падать.

- А как же?.. - хотел было спросить штурмана Василий Кошелев, но на него шикнули: не перебивай.

- В общем, боевое задание было выполнено, хотя в живых остались только я да радист. - Голос Аверина дрогнул.

В землянке висел густой табачный дым. Вокруг рассказчика были теперь уже не только новички, но и ветераны, хорошо знавшие экипаж коммуниста Ивана Яковлевича Трусько.

- Будем мстить врагу беспощадно! - сурово произнес капитан Н. И. Харитонов.

- Будем! - твердо повторили мы.

Николай Иванович Харитонов был общительным, веселым человеком, любившим острое словцо и добрую песню. Но сейчас он был хмур лицом - воспоминания однополчанина разбередили в нем давнюю боль сердца...

В ночь на 28 августа 1942 года взрывной волной капитана выбросило из самолета вместе с бронеспинкой. Казалось бы, после такого потрясения человеку надо подлечиться, отдохнуть, а

затем уже снова летать. Но Харитонов попросил командира полка:

- Лучшим доктором для меня будет ТБ-3. Разрешите продолжать боевую работу?

В просьбе ему не отказали, и он продолжал водить свой воздушный корабль на самые сложные задания. За мужество и отвагу заместителя командира эскадрильи капитана Н. И. Харитонова наградили орденом Ленина.

И теперь, когда наши доблестные войска добивали полчища Гитлера в междуречье Волги и Дона, Николай Иванович передавал свой богатый боевой опыт молодым летчикам.

Из землянки мы вышли на улицу. Ветер не унимался, он гнал и гнал к горизонту тяжелые, низкие облака, свистел над прокуренной землянкой.

К утру 28 декабря непогода утихла, и полк получил задачу нанести бомбардировочный удар по скоплению вражеских войск в районе села Большие Россошки.

39 дней шли кровопролитные бои с гитлеровцами после их окружения, немцы дрались с остервенением обреченных. Село Большие Россошки противник укрепил, сделав из него важный узел обороны под Сталинградом. Сегодня здесь скопились резервы врага: танки, автомашины, тракторы...

По дороге на стоянку штурман эскадрильи капитан А. Е. Соломонов сказал мне:

- В воздухе все делай самостоятельно, не сегодня-завтра полетишь один, штурмана отряда рядом не будет, никто не подскажет. Вся нагрузка ляжет на одного тебя: и бомбить надо, и стрелять по атакующему врагу, и корабль домой привести...

У самолета нас ждал Вася Кошелев, который, как и в прошлый раз, летел с нами вторым пилотом.

Над аэродромом вспыхнула ракета: вылет разрешен!

Мы быстро заняли места. Один за другим в воздух поднимались тяжелые бомбардировщики.

Наш ТБ-3 шел в густых облаках, постепенно покрываясь инеем. Начиналось обледенение. Аэродинамические качества самолета снижались, рули действовали неэффективно, машина становилась непослушной, а полет опасным. Но о возвращении не могло быть и речи.

Линию фронта перелетели на высоте 800 метров. Самолет приближался к цели. Вот уже показались черные пятна разбросанных домиков села Большие Россошки. У пулемета встал старший лейтенант Пасиченко, а я приготовился к бомбометанию. Но тут открылась дверь штурманской кабины, и я услышал голос техника отряда Соловьева:

- Тезка, бросай все бомбы с одного захода, почему-то резко падает давление масла.

Левый крайний мотор чихнул и заглох. Командир дал полный газ трем моторам, они надрывно завыли.

Под нами Большие Россошки. На широкой улице села рассредоточены танки, у окраины - резервуары с горючим. Половину бомб сбросил над танками, а остальные - на резервуары. И не успел проследить за падением бомб, как с земли открыли огонь из МЗА (мелкокалиберная зенитная артиллерия), а следом застрочили счетверенные пулеметы.

На бензоскладе вспыхнуло зарево огня, черный дым потянулся к облакам.

Немцы усиливают огонь, но уйти в облака мы не можем: три стареньких мотора М-17 не тянут, машина не набирает высоты. Из выхлопных патрубков сыплются, как из самоварной трубы, искры, что еще больше демаскирует нас. По гофрированной обшивке ТБ-3 горохом сыплются осколки вражеских снарядов. Бомбардировщик дрожит, теряет высоту. Я выбежал на мостик, поставил курс на компасе по наикратчайшему пути к своему аэродрому.

Машина начала резко падать. Соловьев бросился в плоскость крыла, в правый моторный отсек, за ним потянулся провод переносной лампы. Александр Иванович устранил дефект, и мотор загудел по-прежнему. Летчики напрягали все силы, старались перетянуть линию фронта. Штурман отряда ушел к радисту, чтобы передать радиограмму SOS, а мне сказал:

- По карте крупного масштаба веди детальную ориентировку!

Не выпуская карты из рук, я непрерывно сличал ее с местностью, записывал в бортжурнал свои наблюдения. Машина продолжала снижаться, ориентиры все быстрее проносились под нею. Капитан Трушкин смотрел влево, а сержант Кошелев - вправо. Они просматривали местность, подбирали площадку. И вдруг моторы, как по сговору, остановились. В наступившей тишине раздался голос командира:

- Штурман, в хвост!

Машина приближалась к земле. Я не успел выполнить команду и в предчувствии столкновения самолета с землей прижался к задней стенке кабины.

Колеса ударились о какой-то бугор, машина на мгновение снова оторвалась от земли, а затем побежала по заснеженному склону оврага.

- Держись! - крикнул капитан.

Шасси будто провалились, хвост приподнялся, но угрозу скапотирования предотвратили воздушные стрелки: по команде

Пасиченко они бросились в задний отсек хвоста, и он постепенно опустился в глубокий сугроб.

Все вылезли из самолета живыми и здоровыми. Значит, доведется еще летать и бить врага.

В часть мы добрались 2 января 1943 года. А на другой день услышали радостное для нас сообщение Совинформбюро. В нем говорилось, что кольцо окружения врага под Сталинградом сжимается. Советские войска освободили Моздок и ряд других населенных пунктов.

С Кавказа прилетели экипажи нашего полка. Эта группа, выполнив задание командования, перебазировалась на свой аэродром. Прибыл и замполит части Хачатур Сергеевич Петросянц, который руководил боевой работой экипажей на Кавказе.

Х. С. Петросянц - коммунист, прошедший большую школу жизни. Он был делегатом XIII, XIV и XV съездов Компартии Азербайджана и XVIII съезда ВКП(б). Во время войны на Карельском перешейке работал инспектором авиационного отдела политического управления фронта. Накануне Отечественной войны его назначили заместителем командира бомбардировочного полка по политчасти, а в апреле 1942 года перевели в 325-й тяжелый бомбардировочный полк АДД.

За время разлуки летчики соскучились друг о друге и теперь обнимались, делились новостями. В центре возбужденной толпы стоял Петросянц. Он был в летной форме. Желтый меховой комбинезон, шлем с большими очками, меховые краги, заткнутые за пояс, придавали ему богатырский вид. Черные глаза его горели радостью. Круг однополчан становился плотнее, всем хотелось посмотреть на замполита, о котором так много говорили, отзывались с теплотой и сердечностью.

Вскоре Х. С. Петросянц вместе с парторгом полка собрал всех авиаторов части и рассказал о положении на фронтах, об успехах наших войск в великом сражении на берегу Волги. В заключение он призвал однополчан еще беспощаднее громить немецко-фашистских захватчиков.

4

18 января 1943 года тяжелогруженые бомбардировщики ТБ-3 дружно взлетели и, развернувшись на заданный курс, скрылись в южном направлении. Бомбовая нагрузка была максимальной.

Погода выдалась на редкость хорошая, на небе весело мерцали звезды. Мы приближались к линии фронта. Поле боя - громадное огненное кольцо, вокруг которого курсировали автомашины, освещая фарами новую кольцевую дорогу, просматривалось хорошо.

Мы зашли на свою цель. Она была необычной: в длинном овраге укрывались гитлеровцы, автомашины, танки, тракторы. Туда нам и приказано сбросить бомбы. Старший лейтенант Пасиченко садится у прицела сам, а мне приказывает вести наблюдение за воздухом. С высоты 800 метров за три захода сбросили 2500 килограммов бомб разного калибра, а затем, как условились еще на КП, снизились до 150 метров и по сигналу капитана Трушкина открыли огонь из пулеметов. Три крупнокалиберные установки системы Березина и Шкас посылали на дно черного оврага пулеметные очереди.

- Вот вам Сталинград, гады! - кричу я.

Еще разворот, и облегченная машина берет обратный курс. Я смотрю на линию фронта. Где-то здесь, в этой большой и кровопролитной битве, участвует и мой старший брат Петр. А где, на каком участке - не знаю. Только позже мне стало известно, что лейтенант П. И. Черешнев воевал в составе 27-й гвардейской стрелковой дивизии Донского фронта. Последний выстрел Петр сделал у Сталинградского тракторного завода. Там его ранило второй раз... За мужество и отвагу гвардии лейтенант П. И. Черешнев удостоен нескольких боевых наград.

25 января наступило резкое похолодание. Во второй половине дня мороз достигал 35 градусов. Все кругом побелело. Только на аэродроме выделялись темно-зеленые бомбардировщики.

На стоянках кипела работа. Технический состав под руководством старшего инженера полка Максима Георгиевича Попкова готовил машины к боевому вылету. А на командном пункте, в землянке, за длинными столами сидели летчики, штурманы и, развернув карты, внимательно слушали командира.

- По данным разведки, - говорил командир полка, - на узловую железнодорожную станцию Касторная каждую ночь прибывают вражеские эшелоны с техникой и живой силой. Там сильная зенитная оборона, ночью барражируют истребители, в основном "Мессершмитты-110". Наша задача - нанести по Касторной бомбардировочный удар. Бомбовая нагрузка - 2800 килограммов на самолет.

Начальник штаба полка подполковник Роман Васильевич Андреев огласил приказ:

- Лидером-осветителем назначается командир первой эскадрильи майор Кацюржинский со штурманом капитаном Степиным, второй осветитель - капитан Островский со штурманом капитаном Фетисовым...

Перечислив экипажи бомбардировщиков, подполковник добавил:

- Фотографирование результатов бомбометания будет производить экипаж капитана Трушкина со штурманом старшим лейтенантом Пасиченко. Старший сержант Черешнев сегодня полетит на проверку со штурманом эскадрильи капитаном Соломоновым в составе экипажа капитана Медведева.

Положив приказ на стол, начальник штаба предупредил:

- Над Касторной будут самолеты других полков АДД, надо иметь это в виду.

На аэродроме загудели моторы, мы вышли из землянки. Вася Кошелев, толкнув меня плечом, с досадой сказал:

- Разлучили нас!

- Жаль, конечно, да ничего не поделаешь: дружба дружбой, а служба службой...

Зеленая ракета разрезала ночную тьму.

- Запуск! - оживленно произнес Кошелев.

- Успешного полета! - пожелал я другу.

Вскоре бомбардировщики начали взлетать, поднимая снежную бурю. Взяв курс на запад, они один за другим скрылись в ночной темноте.

На линии фронта идет ожесточенная перестрелка. По-2 беспрерывно долбят передний край противника. Гитлеровцы огрызаются. Их счетверенные пулеметные установки посылают в черное небо длинные полосы огня.

Слева вспыхивает прожектор, его луч приближается к лам. Петр Дмитриевич Медведев приглушает моторы, валит машину вправо. Наш бомбардировщик разворачивается, в окно кабины вижу пожары в районе деревни Ломигоры. Но засматриваться некогда, самолет подходит к району бомбометания. Впереди на нашей высоте вспыхивают светящиеся авиабомбы. Это Павел Николаевич Степин осветил цель. Открываю бомболюки, подаю команду летчикам: "На боевой!"

Капитан Медведев зажал рули: курс, скорость и высота строго расчетные. Цель медленно ползет по курсовой черте прицела. Вижу длинные эшелоны. Два из них горят, в третьем что-то рвется...

Впереди три огненных языка лизнули черное небо. Машина вздрогнула и сразу же выровнялась. Переношу руки на рычаг бомбосбрасывателя. И вдруг вместо цели вижу белое полотно. Что такое? Тут же понял: купол парашюта. Кого-то сбили, гады!

- Повторить заход! - кричу в переговорный аппарат.

Медведев разворачивает машину вправо. Небо буквально усыпано красными шарами автоматической пушки "Эрликон". Мы снова на боевом курсе. Цель! Вниз летят бомбы. Они взрываются у эшелонов. Облегченная машина повторяет заходы. Делаем

четвертый. Зенитки прекращают огонь. Слева на нас сыплется огненный град пулеметной очереди. Фашистские стервятники вышли на смену зенитчикам. Наши стрелки открыли огонь. Вражеский истребитель ныряет вниз. Прямо под нами - бомбардировщик! В правой плоскости нашего самолета раздается сильный треск, внутренний мотор чихнул и заглох. Борттехник бежит в правую плоскость...

- Пробит радиатор! - докладывает он командиру. Я посмотрел на мотор: из четырех лопастей винта - ни одной, только торчит неуклюжая втулка. В передней кромке крыла большое отверстие. Разодранная обшивка торчит во все стороны. Самолет дрожит, скорость падает. А до линии фронта еще семь минут.

- Штурман, проверь экипаж! - приказал мне капитан Медведев.

К счастью, раненых не оказалось.

Вернувшись в штурманскую, я ахнул. В полу кабины зияло большое отверстие. Когда же это? По кабине кружились, подхваченные струей воздуха, листочки бумаги. Я бросился их ловить. Штурман эскадрильи Андрей Евдокимович Соломонов оглянулся на меня и рассмеялся. Мне тоже стало веселей. Но тут я посмотрел на высотомер: осталось всего триста метров. Впереди показались вспышки фронтового огня. Только бы дотянуть...

Я вышел на пилотский мостик. Медведев обернулся ко мне:

- Что-то с управлением неладно! - крикнул он. - Уж очень трудно держать!

Кое-как дотянули до своего аэродрома.

Медведев вытер белым подшлемником лицо, затянул потуже меховой шлем и зашагал на КП. Я молча пошел за ним.

В жарко натопленной землянке начальник штаба подполковник Андреев принимал рапорты экипажей.

Вошел замполит полка и тихо произнес:

- Трушкин не вернулся...

Летчики повскакали с мест, обступили Петросянца.

- Последняя радиограмма: "Иду на врага!" - тяжело вздохнув, сказал Хачатур Сергеевич.

Вскоре в полк вернулся Василий Кошелев. Вместо молодого паренька с красивым, всегда веселым лицом передо мной стоял воин с суровыми глазами. От него мы узнали о судьбе командира отряда капитана Трушкина Афанасия Николаевича.

Когда вражеский снаряд поджег бомбардировщик, летчики пытались пересечь линию фронта, но горящая машина перестала подчиняться их воле, вошла в спираль и начала стремительно приближаться к земле. Трушкин всем приказал прыгать с парашютами, выпрыгнул и сам. Опустился на землю у деревни

Куганы. Не успел сбросить с себя парашют, как увидел бегущих к нему гитлеровцев. В перестрелке капитан погиб.

28 января, когда из Куган выгнали фашистских захватчиков, жители деревни, бойцы и офицеры танкового батальона и второй пилот Вася Кошелев с воздушным стрелком-радистом Васей Устименко пришли к машине, извлекли из-под ее обломков обгоревшие трупы борттехника А. И. Соловьева, бортмеханика А. К. Плаксенко, воздушных стрелков Ф. И. Дробушкова и И. В. Меркулова (видимо, эти четверо были тяжело ранены и не смогли выпрыгнуть), нашли окровавленное тело капитана А. Н. Трушкина и похоронили всех в колхозном садике.

Позже их прах был перенесен в братскую могилу в село Ново-Павловку, Воловского района, Липецкой области.

Кошелева и Устименко спас колхозник деревни Куганы Иван Петрович Степочкин. Он спрятал летчиков в таком месте, что гитлеровцы и полицаи трое суток искали их, с ног сбились, но так и не смогли найти. Кошелев и Устименко отлеживались в надежном укрытии. По ночам жена Степочкина Анна Ивановна и дочь Мария приносили им пищу.

Тяжелее всех смерть Афанасия Николаевича переносила его жена медицинская сестра Елена Терентьевна.

Ныне именем капитана А. Н. Трушкина названа средняя школа в селе Васильевна, Липецкой области. Добрым словом вспоминают горьковчане своего земляка Александра Ивановича Соловьева, отдавшего жизнь за Родину. Сын Валерий и дочь Валентина гордятся своим отцом - крылатым защитником советской земли.

У штурмана этого экипажа старшего лейтенанта Пасиченко Трофима Платоновича бой над Касторной окончился иначе.

Едва раскрылся парашют, штурман всем телом ударился о землю. Когда пришел в сознание, услышал стрельбу, которая все более и более отдалялась. Пасиченко медленно поднялся, осмотрелся. Кругом была заснеженная степь, светила холодная луна. Сильно болела ушибленная грудь, трудно было дышать. Превозмогая боль в ногах, пошел по степи. Под утро услышал лай собак. Показались темные домики села. Перелез через ограду, постучал в старенькую избенку. В дверях - старик. Пасиченко попросил укрыть его до утра.

Утомленный бессонницей, штурман уснул. А когда от сильного толчка открыл глаза, перед ним стояли три гитлеровца с направленными в его грудь автоматами. Он поднялся, вышел из-за печки, куда был спрятан хозяином. Старик стоял у двери. Видно, неожиданно нагрянули немцы, не успел вовремя предупредить раненого летчика.

В комендатуре села Кирилово-Самарино Т. П. Пасиченко увидел летчика-истребителя, назвавшего себя Галочкиным. Обоим связали руки, вывели на улицу. Старший лейтенант оглянулся - сзади шли четыре гитлеровца с оружием наготове, у двоих лопаты...

В морозной ночи раздалось несколько выстрелов. Прошитые пулями, летчики упали. Гитлеровцы подошли, осветили их лица фонарями, сняли меховые унты, верхнюю одежду. За ноги стащили в яму, забросали мерзлыми комьями земли и поспешно ушли.

Стало тихо. И вдруг могила расстрелянных зашевелилась. Это раненый Пасиченко выбирался наверх. Вот он встал и попробовал идти. Босые ноги утопали в сугробе. Он упал. На снегу остались кровавые пятна. Отдышавшись, Пасиченко снова встал и побрел к линии фронта, к своим... В овраге снял рубашку, разорвал, одним клочком перевязал пробитую вражеской пулей шею, другим - ноги.

На рассвете он увидел поселок, по улицам которого бегали очумелые гитлеровцы. Пасиченко зашел в сарай, зарылся в солому. Обмороженный и ослабевший от потери крови, он был в том состоянии, когда теплящийся в теле огонек жизни вот-вот погаснет. Потом в забытьи услышал раскатистое "ура". Собрав последние силы, выполз на улицу. Идти ужо не мог: ноги, как колодки, перестали подчиняться ему. Перед глазами все закружилось, и он упал.

В санбате танкового батальона офицера привели в чувство. На второй день самолетом его отправили в полковой лазарет. Ему, воскресшему из мертвых, снова довелось увидеть своих. У койки стоял командир его эскадрильи майор Кацюржинский. Они вместе преподавали в авиаучилище, вместе выехали на фронт, участвовали в боях под Москвой. Судьба связала их неразрывными узами дружбы. И теперь командир эскадрильи, увидев забинтованного штурмана, не сдержал слез.

Каждый день в лазарет приходили однополчане, приносили гостинцы, письма, приветы, желали выздоровления. Но Пасиченко угрожала гангрена. Врачи решили ампутировать ноги. Однако хирург уфимского госпиталя Бехтис ограничился ампутацией пяток.

Через год Трофим Платонович Пасиченко на костылях вышел из вагона пассажирского поезда, прибывшего в Оренбург. Здесь, на улице Челюскинцев, жила его семья...

* * *

29 января 1943 года войска 60-й армии, которой командовал генерал И. Д. Черняховский, овладели станцией и городом

Касторная. В ту пору мы, авиаторы, услышали широко распространенную песню, которую исполнял армейский ансамбль песни и пляски:

Атакой грозной, борьбой упорной
Вернули счастье мы Касторной.
Идет от Дона, преград не зная,
Шестидесятая родная.

Много лет спустя я узнал, что слова этой песни написал непосредственный участник боев за Касторную, корреспондент армейской газеты, ныне член Союза журналистов СССР, полковник Иван Иванович Свиридочкин. По личному заданию командарма И. Д. Черняховского им же, оказывается, был написан "Марш 60-й армии". Я хорошо помню строки из этого широко популярного марша:

У Дона, где пушки гремели со стоном
И злобно свинцовая выла пурга,
Мы подняли ввысь боевые знамена
И грозной лавиной пошли на врага.
Припев:
Пусть эта слава боевая
Нам в битвах силы придает.
Вперед же, армия родная!
Шестидесятая, вперед!

Наши героические воины действительно шли вперед, освобождая от врага родные города и села. 3 февраля мы услышали по радио сообщение о том, что советские войска разгромили сталинградскую группировку противника, захватив огромные трофеи и пленив десятки тысяч гитлеровцев.

На торжественном вечере, посвященном этому знаменательному событию, зачитали приказ о присвоении звания младшего лейтенанта мне и моим друзьям Василию Кошелеву, Куралу Рустемову, Михаилу Сысуеву.

Огненная дуга

1

Для поддержки наземных войск в районе Курского Выступа гитлеровское командование перебросило с аэродромов Германии, Франции и Норвегии большое число самолетов. Всего их было сосредоточено здесь более 2000, или три четверти всей авиации противника, действовавшей на советско-германском фронте.

Главными объектами бомбовых ударов нашего полка стали теперь скопления войск и техники врага на подступах к Орловско-Курской дуге. К тому времени меня назначили штурманом корабля, командиром которого был лейтенант Шишигин Алексей Николаевич.

В один из весенних дней, когда кое-где на бугорках робко пробивалась зелень, а в оврагах еще таяли ноздреватые пласты снега, экипажи готовились к очередному вылету. В ожидании сигнала на взлет собрал своих подчиненных на стоянке самолетов и Шишигин.

- Полетим бомбить узловую железнодорожную станцию Брянск-второй, сказал лейтенант. - Там сосредоточено несколько зенитных батарей. В воздухе, особенно при подходе к цели, барражируют перехватчики. Высота бомбометания 3800 метров. Ночь будет лунная, поэтому воздушные стрелки должны повысить бдительность.

Командир достал из планшета карту крупного масштаба и продолжал:

- Заходить на цель будем с северо-востока. Как только штурман сбросит бомбы, с левым разворотом через партизанский лес уходим на восток.

Над аэродромом опустились сумерки. Спустя несколько минут вспыхнула сигнальная ракета. Экипаж занял свои места в самолете. Взлетев, мы взяли курс на запад.

На подходе к Орлу над черной апрельской землей мелькали трассирующие пули, взлетали ракеты, светились вспышки рвавшихся бомб и снарядов. Это была линия фронта.

Мы шли на высоте 1900 метров. Наш ТБ-3 отдал все свои силы и больше не хотел набирать ни одного метра. Далеко по горизонту рвались бомбы, огненные отсечки с каждой минутой учащались. Железнодорожный узел Брянск-2 уже бомбили летчики гвардейского полка нашей дивизии. В воздухе рвались зенитные снаряды, по небу шарили лучи вражеских прожекторов. Лупа предательски светила всем своим огромным диском.

Впереди нас летел ТБ-3. Его силуэт был виден, как днем. Когда до Брянска оставалось километров пятьдесят, в воздухе появился второй самолет. Это был фашистский бомбардировщик Ю-88. Вскоре он навязал бой нашему соседу. Вот "юнкерс" подошел на дистанцию выстрела, с борта ТБ-3 замелькали огненные трассы. "Юнкерс" рванул вправо и пустился наутек. Наш бортмеханик громко смеялся, приговаривая:

- Так его, так его, гада!

- Молодцы, ребята, не подпустили, - похвалил Шишигин.

Перед нами вырисовывался город Брянск. На железнодорожной станции рвались бомбы. Небо от разрывов зенитных снарядов как бы накалилось, сделалось оранжевым.

Над целью нас схватили ослепительные лучи прожекторов. Летчики уткнулись в приборы, в штурманской кабине сделалось совсем светло, снаряды все ближе рвались у бортов машины,

осколки барабанили по обшивке. Сбросив бомбы, я встал за пулемет. Шишигин резко развернул самолет и, уменьшив скорость, бросил его вниз.

От перегрузки ТБ-3 дрожал. Меня буквально придавило к борту носовой кабины. В ушах свистело, глаза слезились. Но вот прожекторы отстали, взрывы снарядов нескладно чавкали где-то за хвостом. Черные массивы партизанского леса стремительно приближались ко мне. Затем я почувствовал, что действие перегрузки кончилось. Самолет пошел над верхушками деревьев.

Над нами проскользнул "юнкерс". Не прошло и минуты, как позади завязался воздушный бой. Один самолет вспыхнул и, врезавшись в лес, взорвался.

Возвратившись на свой аэродром, мы узнали, что героями поединка оказались наши однополчане - экипаж самолета, где командиром был старший лейтенант Г. И. Селиверстов, вторым пилотом младший лейтенант С. И. Паков, штурманом майор Т. С. Зуб. На борту корабля находился и старший штурман полка П. Н. Степин.

Все поздравляли отличившийся экипаж. Но, как выяснилось, победа ему далась нелегко. Вражеский пулемет вывел из строя один мотор, пули пробили бензопровод. Простреленной оказалась и радиостанция РСБ-5, и экипаж возвращался с задания вслепую. Только благодаря большому опыту борттехника работу мотора удалось восстановить в воздухе, отверстие в бензопроводе было заделано дюритом.

За мужество и отвагу, проявленные при выполнении задания, все члены экипажа Г. И. Селиверстова получили боевые награды.

Следует заметить, что "юнкерсы" стали побаиваться наших тяжелых бомбардировщиков, и нам все реже приходилось встречаться с ними при подходе к цели.

2

И апреля 1943 года бомбардировщики АДД совершили массированный налет на железнодорожную станцию Орел. Немецкие эшелоны беспрерывно подвозили туда танки, орудия и другую военную технику. Над городом в эту ночь не затухали огненные зарницы. Вражеские зенитки посылали в небо тысячи снарядов.

Во время захода на цель я увидел двухкилевые самолеты. Это были "Мессершмитты-110". Один из них пристроился было к нам в хвост, но лейтенант Шишигин резко убрал газ, и машина со снижением вошла в зону зенитного огня. Стервятник сразу же отстал.

Отбомбившись, мы легли на обратный курс. Прошли линию фронта, клокотавшую огнем. От пулемета, где я стоял на случай

отражения атак вражеских самолетов, сошел в штурманскую кабину, чтобы уточнить маршрут.

Темнота. Черная земля почти не просматривается. Настраиваю РПК-2, пробую уловить позывные нашей приводной радиостанции, но ничего не получается. На одной волне очень много позывных, и стрелка радиополукомпаса мечется из стороны в сторону. Отпускаю рукоятку РПК-2, ложусь на живот и напряженно всматриваюсь в темные пятна, проплывающие под нами.

Вскоре блеснул луч липецкого светомаяка. Я узнал его потому, что он давал шесть оборотов в минуту против часовой стрелки. Ориентир был засечен. Это позволило нам благополучно вернуться на свой аэродром.

К утру, когда полк закончил выполнение боевой задачи, стало известно, что с задания не вернулся один ТБ-3. В составе его экипажа летал хорошо знакомый мне штурман младший лейтенант Б. Г. Киреев.

Несколько позже мы узнали подробности гибели Киреева. Вместе со всеми он выпрыгнул с парашютом из горящей машины. Гитлеровские стервятники открыли по экипажу огонь. Борису перебило обе ноги. Приземлился он недалеко от линии фронта, на территории, занятой врагом. Фашисты осветили местность ракетой, обнаружили Киреева и, окружив, предложили сдаться в плен. В ответ раздался выстрел, а затем автоматная очередь. И все смолкло...

Однополчане поклялись отомстить врагу за гибель Бориса Григорьевича Киреева. Вскоре такой случай представился.

24 апреля нашему полку совместно с другими частями АДД была поставлена задача разбомбить аэродром противника в Сеще.

Нанесение удара по военно-воздушной базе в тылу фашистских войск требовало от летчиков большой выдержки. Гнездо стервятников обросло мощным зенитным прикрытием. Его охраняли более четырех с половиной тысяч солдат и офицеров. По сигналу тревоги они бросались к самолетам, орудиям, счетверенным пулеметным установкам и открывали огонь. Дневным бомбардировщикам с трудом удавалось проникнуть в зону расположения аэродрома. Его также охраняли днем и ночью барражировавшие в воздухе "мессершмитты". По данным наземной разведки, гитлеровцы обнесли эту мощную авиабазу колючей проволокой в радиусе пяти километров. В капонирах и на стоянках размещалось более трехсот самолетов разных типов. Отсюда немцы рассчитывали прикрывать свои войска при наступлении на Курской дуге.

Наши самолеты взлетели точно в указанное время и легли на

заданный курс. Под крылом - черные точки домов деревень и поселков, кое-где выделяются темные пятна озер. Вот и цель. На летном поле хорошо видна бетонированная полоса, уже изрытая взрывами бомб.

Массированный налет авиации в полном разгаре. Аэродром светится огнями пожаров, на стоянках и в капонирах горят вражеские самолеты, охвачен пламенем склад горючего. На высоте примерно 2500 метров загорается подбитый самолет. Он с разворотом уходит на восток. Проследить за ним нет времени: надо бомбить. Из открытых люков падают бомбы. Гул взрывов доходит до нас. Немцы озверело бьют из зениток, красные огненные языки хищно лижут небо.

Ко второму вылету активность вражеского огня заметно ослабла. Прожекторов стало меньше, "мессеры" не появлялись. Советские бомбардировщики продолжали наносить удары по фашистскому гнездовью. Отдельные очаги пламени сливались в сплошное огненное море. К утру густой дым застлал весь аэродром.

Зарулив на свою стоянку, лейтенант Шишигин выключил моторы, снял шлем и, вылезая из самолета, запел:

Была бы только ночка, да ночка потемней.

Ударим по фашистам, ударим посильней!

Во время полетов на бомбардировку вражеских объектов изобретательность, инициативу и сметливость проявляли не только летчики и штурманы, но и другие члены экипажей. Нелегко приходилось и борттехникам. Нередко они в полете устраняли неисправности и повреждения материальной части. Одним из таких специалистов на все руки был техник-лейтенант Федор Тарасович Баев.

В разгар боевых вылетов на Орел противник усилил его противовоздушную оборону. Особенно большое сосредоточение зенитной артиллерии и прожекторов было на железнодорожной станции. Мощные лучи специальных установок ослепляли летчиков и штурманов, мешали прицельному бомбометанию, наводили истребителей на наши ТБ-3. Чтобы отвлекать внимание прожектористов, Федор Баев всякий раз придумывал сюрпризы.

Как-то борттехник набил несколько старых комбинезонов соломой и во время захода на цель сбрасывал их по одному. Полагая, что с борта корабля высаживается воздушный десант, гитлеровцы направляли лучи прожекторов на чучела, а летчики, пользуясь этим, сбрасывали бомбы на вражеские эшелоны с живой сплои и техникой.

3

В апреле наш полк не только наносил удары по врагу в

районе Курской дуги, но и поддерживал наземные войска в Донбассе и в других районах.

Однажды наши экипажи вылетели бомбить аэродром противника в Сталине (Донецк). Налет был неожиданным. В первый заход одна из бомб разрушила здание, в котором фашисты устроили казино. Позже стало известно, что из развалин игорного дома гитлеровцы извлекли более 40 трупов. Вторая фугаска попала в бомбоубежище. Там погибло 15 фашистских асов, многих ранило. Были поражены и другие цели: бомбосклад, склад горючего, здание на окраине города, где размещался штаб вражеского корпуса.

Во время налета летчикам большую помощь оказал безвестный герой. Когда наши самолеты развернулись на боевой курс, над важными объектами немецкого аэродрома одна за другой стали взлетать ракеты. Долго отважный патриот стрелял этой ночью из ракетницы, направляя наши самолеты на цель.

Вскоре после этого мы летали бомбить железнодорожный узел Унеча. Отбомбились удачно: на воздух взлетели три эшелона врага. Гитлеровцы в панике разбежались, оставив невыключенными прожекторы.

Наш корабль взял обратный курс. Впереди был неблизкий путь. А погода начала портиться. Перед линией фронта ТБ-3 вошел в плотный слой облаков. Я пометил на карте расчетное место и доложил командиру корабля наши координаты. Летчики плавно вращали большие круглые штурвалы, следили за показаниями, приборов.

- Скоро будем дома! - крикнул мне Шишигин.

Радист принес радиограмму: "Аэродром закрыт, идите на запасный". Я начал настраивать радиополукомпас на приводную радиостанцию запасного аэродрома, но позывные почему-то исчезли. Что делать? Облачность не уменьшалась, земли не было видно, а расчетное время подходило к концу.

По моей просьбе летчики снизились до 300 метров. Под нами расстилалась все та же серая муть.

- Горючего на пять минут, - доложил борттехник.

Лейтенант Шишигин приказал готовиться к вынужденной посадке. Борттехник встал у штурвала стабилизатора, я зарядил ракетницу, ушел в носовую часть штурманской кабины. Но выстрелить не успел - все четыре мотора заглохли. Сразу стало тихо. Только свистел встречный поток воздуха. Командир резко толкнул рули глубины и, сохраняя скорость, повел машину на снижение. По широкому плексигласовому козырьку били капли дождя. Свет белых ракет блекло таял в густом тумане. Но вот внизу смутно замелькали черные верхушки деревьев. Огромные

колеса самолета уже цеплялись за них, ветки хлестко стучали по обшивке.

- Спокойно! - предупредил командир членов экипажа. - Садимся на лес.

Борттехник энергичным движением выбрал нужный угол для посадки. Тяжелый бомбардировщик с грохотом опустился на лесную поляну и, подпрыгивая на бугорках, подминая мелкий кустарник, неуклюже покатился по земле.

Все обошлось благополучно благодаря летному мастерству Алексея Николаевича Шишигина и смелости всего экипажа. Но поволноваться пришлось немало. Особенно мне, потому что я чувствовал себя единственным виновником вынужденной посадки.

...Праздничные дни Первомая мы провели на своем аэродроме. Наш самолет подремонтировали, поставили новый мотор. 3 мая экипаж вылетел на аэродром подскока - в освобожденную Россошь. А два дня спустя мы поднялись в воздух для бомбардировки скопления вражеских войск в Днепропетровске.

К цели подошли без затруднений. С высоты 2100 метров хорошо просматривалось русло Днепра, даже видны были оба моста через реку. Цель беспрерывно бомбили наши самолеты. Я тоже сбросил бомбы и, как всегда, стал наблюдать за тем, куда они упадут. В расчетное время увидел в районе цели два взрыва. Приняв их за удары своих бомб, сообщил по радио на командный пункт о том, что боевое задание выполнено.

Вместе с борттехником мы смотрели вниз. Хорошо видели вспышки света фар. Вся дорога была забита транспортом: гитлеровцы отступали на запад. Естественно, настроение у нас было приподнятое, каждый горел нетерпением скорее прогнать немецко-фашистских захватчиков с нашей земли.

На аэродроме подскока в Россоши Шишигин зарулил самолет на окраину стоянки. Недалеко оказалась небольшая речушка, которая впадает в Дон. В предрассветной мгле командир нащупал мягкую травку, сказал:

- Вот здесь, на бережку, стелите газеты, будем завтракать.

Он достал термос, налил нам чаю, и мы приступили к трапезе. Но тут же были ошеломлены "громом среди ясного неба".

- Бомбы не сброшены! - крикнул бортмеханик старшина Коля Попов.

Все бросились к самолету. Под широкими крыльями ТБ-3 висели по две двухсотпятидесятикилограммовые фугаски. У меня подломились ноги, язык онемел. Командир корабля взял меня под руку, привел к "столу" и, вместо того чтобы ругать, спросил:

- Забыл снять предохранитель с бомбосбрасывателя? - И успокоил: - Не переживай, штурман. Самое страшное позади - мы удачно сели с бомбами, не подорвались...

В эту тяжелую для меня минуту я понял, сколько самообладания у моего командира.

Мы вернулись на базовый аэродром. Я ждал наказания, но никто не напоминал мне о моей провинности. Все однополчане знали, что наш замполит майор Петросянц умел терпеливо во всем разобраться, понять душевное состояние подчиненного, к нему можно было смело идти с любой бедой. Пошел и я. Комиссар, внимательно выслушал меня и сказал:

- Знаю, младший лейтенант, историю с бомбами. Понимаю вас. - Он дружелюбно посмотрел на меня и заверил: - Можете летать спокойно, только больше не повторяйте ошибок...

7 мая наш полк вылетел на бомбардировку вражеского аэродрома в Полтаве.

Над линией фронта на высоте 1800 метров затрясло мотор. После попытки борттехника устранить неисправность Алексей Николаевич Шишигин выключил закапризничавший двигатель и объявил:

- Пойдем на цель на трех моторах!

Самолет летел со снижением. Над Полтавой высота была всего лишь 800 метров.

- Нас собьют, товарищ командир, - с тревогой сказал борттехник.

- Не собьют! Штурман, приготовиться к бомбометанию в один заход!

Казалось, весь огонь врага был направлен на наш самолет. Я сбросил серию бомб на цель и тут же просигналил об этом командиру. Он с резким снижением развернул корабль и лег на обратный курс.

Борттехник доложил, что в самолете много пробоин, но моторы работают исправно. Высоты у нас оставалось 300 метров, а до линии фронта было еще не менее десяти минут лета, и каждая из них тянулась бесконечно долго. И только тогда напряженность экипажа сменилась спокойствием, когда наш старенький и израненный ТБ-3 перетянул линию фронта.

На командном пункте, когда Шишигин доложил о выполнении задания, нас подозвал заместитель командира полка по политчасти майор Х. С. Петросянц и сказал:

- На трех моторах надо было бомбить не основную тюль, а запасную, она ближе. Не рискуйте без особой надобности, друзья. Нам еще воевать не один день.

Обстановка на Курской дуге требовала сосредоточения авиации в непосредственной близости от района боевых действий. В штабе полка заканчивалась подготовка к перелету на новый аэродром.

В один из нелетных дней однополчане сыграли свадьбу - младший лейтенант Михаил Сысуев женился на медицинской сестре Тане Домнышевой. Опережая события, скажу, что это был счастливый брак. Семья Сысуевых жила дружно. У них родились сын и дочь. Теперь они уже взрослые. Младший Сысуев - офицер Советской Армии. Татьяна Васильевна и поныне работает в одной из московских поликлиник. Сам же Михаил Петрович Сысуев в октябре 1964 года трагически погиб вместе с Маршалом Советского Союза С. С. Бирюзовым.

31 мая мы покинули аэродром. Новое место базирования было значительно ближе к фронту. Аэродром располагался в лесу. Под общежитие нам отвели большое деревянное здание - бывшую гостиницу.

- Теперь, - сказал Василий Кошелев, - возвращаться с задания будем раньше. И вылетов больше сделаем.

Алексея Николаевича Шишигина перевели в тыл, в военное училище штурманов, готовить кадры для фронта. Меня назначили в экипаж лейтенанта Волкова Юрия Евгеньевича. Внешностью Волков не слишком приметен: беловолосый, среднего роста, с худым озабоченным лицом. Родился он в Ташкенте, там же окончил десятилетку и три курса текстильного института, без отрыва от производства - аэроклуб, а в марте 1941 года - школу летчиков. На фронте Волков с начала войны. На груди летчика-коммуниста - орден Отечественной войны и знак "Гвардия".

Второй пилот - симпатичный, совсем молоденький украинец Иван Петрович Коломиец. Плотный, коренастый. На его гимнастерке два значка - комсомольский и парашютиста.

Воздушным стрелком-радистом был по-юношески краснощекий сержант Константин Алексеевич Воронов. В 1938 году он окончил тульский аэроклуб и поступил в школу летчиков. Освоил полеты на бомбардировщике СБ. Но в первые дни войны самолетов не хватало. Чтобы не расстаться с авиацией, Константин согласился переучиться на стрелка-радиста. В его распоряжении были радиостанция РСБ-5 и пулемет Березина. Но мечту - управлять самолетом - не оставлял.

Командир эскадрильи майор Кацюржинский запланировал с Вороновым тренировку в качестве второго пилота.

Хвостовым воздушным стрелком назначили члена ВЛКСМ сержанта Николая Александровича Лазарева. В его кабине тоже

стоял крупнокалиберный пулемет, который предназначался для защиты самолета от вражеских стервятников с задней сферы, откуда фашистские летчики особенно часто производили атаки.

Обязанности башенного стрелка выполнял комсомолец с Черниговщины Иван Пантелеевич Быченко, смуглый юноша лет двадцати. Он был немногословен, хмур и задумчив. Его родители не успели эвакуироваться, остались в родном селе Тимоновичи, где свирепствовали гитлеровцы.

Борттехник Александр Семенович Леонов отличался высоким ростом и атлетическим сложением. Помощник его - бортмеханик Антон Афанасьевич Забродский, уроженец Житомира.

- Экипажем я доволен, - сказал командир. - Ребята обстрелянные, опытные. И самолет нам достался неплохой. Моторы М-34. Скорость гораздо больше, чем у "ревуна". Хвост защищен дополнительной пулеметной установкой.

В опытности членов экипажа и преимуществах машины я убедился в первый же вылет, когда мы бомбили вражеские эшелоны на железнодорожной станции Карачев. Юрий Евгеньевич Волков отлично пилотировал самолет. После того как отбомбились, он дал полный газ, увеличил обороты, и облегченная машина быстро набрала высоту. Эта тактика отхода от цели для меня была новой.

На земле командир сказал, что отход от цели со снижением устарел и не всегда его надо применять. Немецкие летчики-истребители изучили этот маневр и, как правило, нападают на ТБ-3 при отходе его от объекта бомбометания на малых высотах. Новая тактика, как я убедился в последующих налетах на Карачев и Рославль, вполне оправдала себя.

Наступили самые короткие июньские ночи. На Курской дуге стояло затишье, а у ночных тяжелых бомбардировщиков боевая нагрузка с каждым днем увеличивалась. Летать начинали в вечерних сумерках и заканчивали, когда над аэродромом появлялись первые лучи солнца.

На рассвете 13 июня 1943 года после бомбардировки вражеского аэродрома в Карачеве наши ТБ-3 слетались к своему лесному "стойбищу" и кружились над ним в ожидании очереди на посадку. Позже всех с задания вернулся экипаж лейтенанта Н. П. Матюшанского.

На командный пункт лейтенант пришел без штурмана. Комбинезон на нем был весь изодран, шлем с разбитыми очками он держал в руке.

- Боевое задание выполнено! - подняв усталые глаза на командира полка, доложил Матюшанский. - Огнем воздушных стрелков и штурмана сбит истребитель "Мессершмитт-110".

- А где штурман? - спросил майор Петросянц.

- Иван Григорьевич Петренко тяжело ранен.

И лейтенант рассказал, как это случилось:

- На наш самолет налетели пять истребителей противника и атаковали с разных сторон. В горячем бою никто не заметил, как был ранен штурман. А сам он промолчал, чтобы не помешать стрелкам вести огонь по врагу. Тяжело раненный в ногу, Петренко продолжал отражать наскоки стервятников. Один "мессершмитт" был сбит, остальные прекратили атаки.

С Иваном Григорьевичем Петренко я познакомился в январе 1943 года, после возвращения группы однополчан, выполнявших задание командования на Кавказе и в Крыму. Это был жизнерадостный, общительный лейтенант, отличавшийся хорошей физической закалкой, большим самообладанием в бою. При встрече с вражескими истребителями он смело отражал атаки, а цели бомбил, как правило, в несколько заходов, не обращая внимания на зенитный огонь.

Когда началась битва на Орловско-Курскон дуге, Иван Петренко подал заявление с просьбой о приеме в партию: "Хочу воевать коммунистом", - писал он. Товарищи удовлетворили его просьбу, и он с честью оправдал их доверие.

От старшего врача полка В. П. Ершова мы узнали, что из санчасти Петренко отправлен в мичуринский госпиталь. Там ему ампутировали ногу. Нетрудно было представить, как тяжело переживал эту трагедию отважный штурман. Мы постоянно писали ему, посылали в госпиталь посылки, достали для него любимую его книгу Л. Войнич "Овод". Приходили весточки и от Ивана Петренко. Мы читали их всей эскадрильей. Вот одно из писем, которое было адресовано мне:

"...Тут все белое: сестра, врач, простыни. Комната тоже белая. В ней много света, но мне кажется, что весь этот уют не для меня, для безнадежных. Мое сердце - там, в полку, в штурманской кабине бомбардировщика.

На днях ко мне подошел один врач и прямо сказал: "Вылечим. Не падайте духом. Будете летать". Так, Сашко, я верю, что буду летать! Тут один знакомый рассказал, что подобный случай был с летчиком-истребителем. После ранения ему ампутировали обе ноги. Он вылечился, научился ходить на протезах, да так, что мог танцевать... Этого летчика - фамилию его, к сожалению, не знаю - медкомиссия допустила к тренировочным полетам. И я не теряю надежды вернуться в полк. Пока все. Передавай привет хлопцам".

Никто еще не знал тогда о подвиге Алексея Маресьева. Но мы были уверены, что вскоре встретимся с нашим мужественным штурманом. И встретились. Через два месяца Петренко прибыл в

свою часть. Рана зажила, выглядел он хорошо, однако был невесел. Как мы впоследствии узнали, медицинская комиссия признала его негодным к строевой службе. Он был демобилизован. Но эти документы Петренко никому не показал, домой не поехал, а вернулся в родной полк и начал настойчиво добиваться назначения на штурманскую работу, в экипаж.

- Поймите, у меня особый счет к гитлеровцам, - убеждал он командование, - Я должен сполна с ними рассчитаться. Мое родное село на Сумщине ждет меня не как инвалида...

Помню, Ивану Петренко предложили штабную работу, но он продолжал добиваться своего. Обращался к командиру 4-го корпуса АДД генералу И. В. Георгиеву и даже к Главному маршалу авиации А. Е. Голованову.

Однажды мы шли с ним по лесной тропинке. Он был необычно возбужден, разговорчив.

- Все равно буду летать! - сказал Петренко. Потом, хитровато усмехнувшись, признался: - Пришел ответ от главкома АДД: к летной работе допущен!

Я от души поздравил его.

Нелегко было штурману, потерявшему ногу, все начинать сначала, но Петренко тренировался с удивительной настойчивостью и все-таки добился своего. Летал он наравне со всеми. Бил врага под Ленинградом, на Украине, в Белоруссии и в Польше. Получил боевые награды - ордена Красного Знамени, Отечественной войны, несколько медалей. Он досрочно получил воинское звание "старший лейтенант" и был назначен штурманом отряда.

Петренко мечтал после войны поступить учиться в академию. Но до победного дня не дожил.

14 июля 1944 года капитана И. Н. Островского и старшего лейтенанта И. Г. Петренко вызвал в штаб командир полка. Подполковник подошел к карте, висевшей на стене, и обратился к экипажу:

- Сегодня советская авиация будет бомбить скопление гитлеровских войск. Пользуясь этой обстановкой, необходимо сбросить трех парашютистов под Кельце. Это ответственное задание поручается вам.

Как только над аэродромом опустилась ночь, вместе с бомбардировщиками вырулил на старт и Ли-2, на борту которого находились разведчики.

- На какой высоте пойдем? - спросил Островский штурмана.

- 2500 метров, - ответил Петренко. - Пулеметы не достанут.

Линия фронта обозначалась стрельбой "катюш". Самолет пошел на снижение. Справа наша авиация бомбила

железнодорожный узел.

- Заходим на цель, - сказал командир экипажа. - Иван Григорьевич, дай команду парашютистам приготовиться к прыжку.

Внизу мелькали поляны. Вот и Кельце - место, отмеченное на карте. Петренко дал сигнал, и в ту же секунду пассажиры исчезли за самолетом. Воздушные стрелки и борттехник Федор Тарасович Баев следили за ними. Парашюты открылись, трое отважных разведчиков приземлились на опушке леса. Через пятнадцать минут капитан Островский развернул самолет и повел его по обратному маршруту.

Машина шла точно по курсу. Настроение экипажа было отличное. Радист сержант А. Б. Маленький отстукивал ключом - передавал на КП о выполнении боевого задания. И вдруг башенный стрелок открыл по вынырнувшему откуда-то "мессершмитту" огонь из крупнокалиберного пулемета. Резким движением рулей Островский бросил самолет в левый разворот. Правое крыло Ли-2 прошила огненная трасса, но самолет не загорелся.

Гитлеровский стервятник зашел спереди. Командир экипажа ударил из носового пулемета. Вражеский истребитель исчез в темноте. Но не прошло и двух минут, как черный силуэт другого "мессера" повис над Ли-2. Борттехник Ф. Т. Баев и радист открыли по нему огонь длинными очередями. В это время с противоположной стороны на экипаж набросились еще два хищника. Они ударили одновременно и пробили левую плоскость. Вспыхнул вытекший бензин. Островский послал самолет в пике, но пламя разгоралось сильней.

- Прыгать! - отдал приказ командир.

"Мессершмитты" кружились над израненной, горящей машиной, поливая ее пулеметно-пушечным огнем.

А. Б. Маленький, закончив передачу последней радиограммы, увидел Петренко на сиденье второго пилота.

- Прыгаем! - крикнул Анатолий.

Пламя разделило их. Пробившись сквозь огонь, радист выпрыгнул из самолета. А старший лейтенант Петренко направил горящую машину на вражескую колонну, двигающуюся к линии фронта.

Приземлившись, сержант услышал сильный взрыв, затем увидел зарево над дорогой: на ней горели немецкие автомашины, рвались ящики со снарядами. Это мертвый Петренко продолжал борьбу с фашистами.

В стороне от радиста приземлились остальные товарищи. На рассвете экипаж, потерпевший бедствие, был окружен

гитлеровцами.

- Живыми не сдаваться! - крикнул техник-лейтенант Ф. Т. Баев товарищам и открыл огонь из автомата, который помимо пистолета ТТ всегда был при нем.

Горстка храбрецов сражалась с фашистами до последней возможности... Местные жители похоронили экипаж героев в районе Кельце, недалеко от Катовиц, и на могиле установили памятник. Об этом они написали заместителю командира полка по политчасти майору Х. С. Петросянцу.

А 25 июня среди нас не стало экипажа старшего лейтенанта Ф. И. Целыковского.

Федор Иванович был ветераном полка, имел большой опыт, отлично летал. Ему не раз приходилось попадать в сложные ситуации, а в боях на Кавказе 23 октября 1942 года его горящий самолет врезался в береговую черту моря и взорвался. Из восьми человек чудом остались в живых Целыковский и воздушный стрелок-радист Яша Хрупкий.

Командира экипажа выбросило из самолета взрывной волной. Придя в себя, летчик вытащил из-под обломков машины стрелка-радиста. Долго лечили обгоревшего юношу, но все же возвратили в боевой строй, и он продолжал сражаться с врагом до конца войны. Ныне Яков Хруцкий - директор одной из школ в Белоруссии.

...Нас долго не покидала надежда на возвращение членов экипажа Ф. И. Целыковского. Мы видели их горящую машину над Карачевым, однако надеялись, что все обойдется благополучно. Такие случаи в полку бывали не раз.

И вот на десятые сутки Федор Иванович действительно прилетел со своим штурманом капитаном Алырщиковым, борттехником Георгием Герусом. Как мы и предполагали, Целыковский, уроженец Орловщины, хорошо знавший свою местность, не повел товарищей через насыщенную вражескими войсками линию фронта. Они направились на запад, в тыл врага. В Брянских лесах отыскали партизан, и командир отряда имени Щорса переправил их на самолете через линию фронта.

Судьба остальных членов экипажа осталась неизвестной. Из пяти человек в полк возвратился только воздушный стрелок-радист В. И. Пальчевский, о котором следует рассказать подробнее.

Старшина Владимир Иванович Пальчевский был тяжело ранен, из горящего самолета он вылез с трудом, прыгал с парашютом последним. Приземлившись на ржаном поле, стрелок-радист быстро наметил ориентир для движения, но не успел сделать и шага, как услышал лай собак и чужую речь. Бросив

парашют, Владимир побежал от преследователей. Но раненые ноги плохо подчинялись ему. Метров через десять он упал.

Лай собак приближался. Собрав все силы, старшина кое-как добрался до соседнего леса. В овраге, где журчал небольшой ручей, утолил жажду, перевязал раны и, немного отдохнув, пошел на восток.

Одиннадцать суток был он в нелегком пути. Ночь под 5 июля оказалась самой тяжелой в его жизни. Пальчевский добрался до переднего края линии фронта. Где немцы, где наши - трудно было разобраться: кругом нестихаемая стрельба и вспышки ракет.

Увидев позади себя россыпь огней немецких ракет, старшина решил, что впереди свои, и пополз дальше, плотно прижимаясь к земле. Вскоре перед ним показалась землянка. Долго наблюдал он, прежде чем войти в нее. Землянка оказалась блиндажом. На полу спали люди. Найдя свободное место, старшина прилег.

Глаза Владимира стали слипаться, но заснуть он не успел. В блиндаж вошел офицер и что-то крикнул по-немецки. Солдаты заворочались. "Теперь все, конец, - подумал Пальчевский. - Эх, гранату бы!.."

Офицер торопил медленно собирающегося в наряд солдата. Когда тот вышел, офицер включил ручной фонарь, и сильный луч заскользил по темно-зеленым шинелям спящих гитлеровцев. Старшина достал пистолет. Луч фонаря скользнул по Пальчевскому, и в этот момент старшина выстрелил. Затем еще и еще.

Полусонные гитлеровцы, не поняв в чем дело, загалдели, некоторые начали вскакивать с пригретых мест. Пальчевский одним рывком выпрыгнул в дверь. Около землянки лежал автомат убитого офицера. Старшина схватил его.

- Получайте, сволочи!

Он с остервенением нажимал на спусковой крючок. Из блиндажа послышались крики, стоны, сбоку раздался топот бегущих солдат. Пальчевский, откинув в сторону разряженный автомат, бросился бежать. Сзади затрещали автоматы, пули засвистели над головой, сбоку. Обожгло ногу, сапог наполнился горячей липкой кровью. Перед глазами кружился утренний горизонт.

На рассвете немецкие танки пошли в наступление. От грохота и шума моторов Пальчевский очнулся. Поняв, где свои, он пополз вслед за "тиграми", но от резкой боли потерял сознание. Когда пришел в себя, увидел склонившееся над ним лицо медсестры. Она ответила на его молчаливый вопрос:

- Вас принесли разведчики. Увидели, что еще дышите, положили на плащ-палатку и притащили.

В прифронтовом санбате старшине оказали медицинскую помощь. У него было несколько ран.

Обо всем этом мне рассказал сам Владимир Иванович, когда возвратился в родной полк.

Долечивался старшина в полковом лазарете. Медики во главе с В. П. Ершовым отнеслись к нему очень заботливо. Много уделяли времени больному врач Иванова Валентина Сергеевна и медсестра Сысуева Татьяна Васильевна.

На построении личного состава первой эскадрильи майор Г. З. Кацюржинский сказал:

- Верный сын белорусского народа Владимир Пальчевский честно выполнил воинский долг перед Родиной. Оказавшись в чрезвычайно сложной обстановке в тылу врага, будучи тяжело раненным и обессилевшим от голода, он смело вступил в смертельную схватку с врагами и вышел победителем!

За проявленные мужество и бесстрашие старшина В. И. Пальчевский был награжден орденом Отечественной войны I степени.

* * *

26 июня наш полк бомбил скопление вражеских войск на станции Навля, расположенной в 50 километрах южнее Брянска. В эту ночь с боевого задания не вернулся экипаж флагманского корабля первой эскадрильи, на котором командиром летал майор Кацюржинский, штурманом капитан Соломонов, борттехником старший техник-лейтенант Никифоров.

На борту самолета в эту ночь находился и командир полка подполковник Сабуров. Он летал на проверку действий экипажа в боевых условиях.

Флагманский корабль пришел на цель первым. Осветив цель светящимися бомбами, экипаж начал производить бомбардировку. Самолет зашел второй раз. Штурман эскадрильи Андрей Евдокимович Соломонов прицельно сбросил остальные бомбы и, доложив об этом Кацюржинскому, поставил на компасе обратный курс.

В это время на бомбардировщик налетели два стервятника. Завязался ожесточенный воздушный бой. На пятой атаке врагу удалось вывести из строя два мотора. ТБ-3 резко пошел на снижение. Майор Кацюржинский направил самолет по кратчайшему пути к линии фронта, чтобы быстрее пересечь ее. Но этого сделать не удалось. У переднего края ТБ-3 плюхнулся на землю, занятую врагом. Израненная машина развалилась, экипаж остался невредим.

Район приземления оказался очень насыщенным войсками противника. Ракеты сразу же осветили местность.

Послышались голоса бегущих к самолету немцев. Экипаж залег в укрытие и, отразив наскок гитлеровцев, рассредоточился.

Подполковник Сабуров и Кацюржинский при переходе последнего рубежа были обнаружены врагом. Завязался неравный бой. Сабуров был тяжело ранен и окружен немцами. Кацюржинский отбивался до последнего патрона, но, к сожалению, ничем не мог помочь командиру...

С большими трудностями удалось перейти линию фронта майору Кацюржинскому и борттехнику Никифорову.

5

В полк пришло пополнение. Молодежь, прибывшая из военных школ, упорно училась, а опытные летчики и штурманы помогали ей быстрее освоиться и войти в строй. Пополнился и самолето-моторный парк. По всему чувствовалось, что вот-вот начнется большое сражение, и мы готовились к нему основательно.

Противник продолжал концентрировать войска. К концу июня железнодорожные станции, аэродромы и объекты фронтового тыла обросли мощным зенитным прикрытием.

С каждым днем немецкая авиация становилась наглей, участились налеты бомбардировщиков на Кочотовку, Мичуринск, Елец, Ефремов, Курск. Проникали отдельные ночные "юнкерсы" и на аэродромы АДД. Так, 29 июня были сброшены бомбы в районе расположения нашего полка. Но самолеты не пострадали, они были хорошо замаркированы.

5 июля из штаба дивизии поступил приказ привести в боевую готовность все экипажи, чтобы поддержать с воздуха оборонительные действия наших войск, обрушить на танковые полчища врага сокрушительные бомбардировочные удары.

Перед тем как идти на задание, в части состоялся митинг. Майор Х. С. Петросянц призвал авиаторов к новым подвигам во имя Родины, во имя разгрома ненавистных оккупантов. Мы заверили командование, что не посрамим доблестного звания воздушных бойцов.

С наступлением сумерек над аэродромом Хоботово взвилась зеленая ракета - сигнал на вылет. Тяжелые корабли один за другим поднимались в небо.

На линии фронта шла ожесточенная перестрелка. Била артиллерия, стреляли пулеметы, могучие залпы "катюш" громили боевые порядки противника. Подходя к переднему краю наших войск, мы заметили в траншеях световые целеуказатели: цепочки горящих электрических лампочек образовывали стрелы, направленные на вражеские объекты. Здорово придумала пехота! Под нашим самолетом такая стрела указывала на район деревни

Пушкарное.

Я сел за бомбардировочный прицел, а молодому штурману Николаю Демину, круглощекому, чернобровому пареньку, приказал вести наблюдение за передней сферой. Николай недавно прибыл в полк, и мне пришлось основательно позаниматься с ним перед тем, как его допустили к полетам.

Снизившись до 800 метров, мы пошли в атаку. Дрогнула и раскололась ночная тишина. Сотни тонн смертоносного металла полетели на головы фашистов. Бомбы рвались в танковых колоннах, на огневых позициях неприятельских батарей, уничтожали орудия, боеприпасы, склады с горючим. Только на рассвете ТБ-3 зарулили на стоянку.

Увидев, как из соседней машины вылез майор Петросянц, Николай Демин удивленно спросил:

- Разве замполит тоже летал?

- Летал, Коля, - ответил я комсомольцу. - На ответственные задания он всегда ходит вместе со всеми.

- Здорово! - воскликнул молодой штурман.

На командном пункте Николай Демин поделился со сверстниками своими впечатлениями о первом боевом вылете. Вопросам не было конца.

- Скоро и вы полетите, сами все увидите, испытаете, - сказал Николай.

До 12 июля наш 325-й полк наносил удары по скоплению врага в районе населенных пунктов Малиновец, Лески, что недалеко от станции Залегощь, Бутово, Томаровка, Покровка, Лучки, Бьшовка, Прохоровка. К этому времени на Орловско-Курской дуге гитлеровским полчищам был нанесен сокрушительный удар. Лопнули надежды врага на сверхмощные тяжелые танки "тигры" и "пантеры" и самоходные пушки "фердинанд". Наступление фашистских войск захлебнулось. А 12 июля советские войска перешли в наступление.

На другой же день наша часть произвела налет на штаб белгородской группировки противника, а 14-го - бомбила врага в районе станции Навля.

Во второй половине июля вместо не вернувшегося с боевого задания подполковника Сабурова командование полком принял гвардии майор Н. Г. Афонин. Многие ветераны знали Николая Григорьевича еще по тому периоду, когда он, будучи капитаном, помогал Г. Ф. Счетчикову вводить часть в строй действующих.

Несколько позже я узнал биографию Афонина. Родился он в семье рабочего в Иваново-Вознесенске. Комсомол направил юношу в одну из летных школ на юге страны. В девятнадцать лет он уже стал коммунистом. Принимал участие в боях во время войны на Карельском перешейке. Теперь ему было около тридцати. Грудь его украшали орден Ленина и два ордена Красного Знамени.

К брянским партизанам

1

Мы получили приказ доставлять в партизанские отряды Брянщины вооружение, боеприпасы, продовольствие и медикаменты.

Вечером 28 июля самолеты поднялись в воздух. На борту нашего корабля находился командир полка. Погода стояла ясная, видимость была отличная "миллион на миллион", как говорят летчики.

Линию фронта пересекли на высоте 2500 метров. Видно было, как горели деревни. Севернее Орла шло крупное сражение наших наземных войск с гитлеровцами. Реактивные снаряды "катюш" обрушивались на какой-то укрепрайон врага.

Вскоре показался большой массив леса. Начинался партизанский край, раскинувшийся на многие сотни квадратных

километров.

Н. Г. Афонин сел на второе сиденье, а второй пилот лейтенант И. П. Коломиец перешел в штурманскую кабину и стал наблюдать за лесом. В разных местах горели партизанские костры. Место, куда нам предстояло сбросить груз, обозначалось конвертом, выложенным из костров на лесной поляне. С высоты 400 метров мы сбросили десять увесистых мешков, грузовые парашюты медленно проплыли под нами. Выполнив задание, тут же повернули обратно.

Над лесом шныряли фашистские стервятники. Они подкарауливали одиночные ТБ-3 и набрасывались на них как шакалы. Экипажи Н. П. Островского и Г. И. Селиверстова успешно отразили наскок "мессершмиттов" над партизанской площадкой.

Вернувшись на аэродром, летчики этих экипажей рассказали, что тактика вражеских истребителей осталась прежней. На малой высоте ночью "мессеры" больше одной атаки не делали, боялись врезаться в землю. В последующих полетах к партизанам этот вывод был взят нами на вооружение. Самолеты полка подходили к заранее намеченным площадкам и уходили домой всегда на малой высоте.

Десять бессонных ночей провели мы в полетах, обеспечивая отряды народных мстителей всем необходимым. Популярностью в народе пользовалась партизанская бригада имени Щорса, возглавляемая Александром Тимофеевичем Писаревым. Ее отряды совершали дерзкие налеты на гитлеровские гарнизоны, громили вражеские автоколонны, обозы, пускали под откос железнодорожные составы с военной техникой, оружием, боеприпасами, горючим и живой силой, постоянно держали связь с населением, оставшимся на временно оккупированной территории Брянщины, вели агитационно-пропагандистскую работу, вселяя в сердца людей веру в нашу победу.

А. Т. Писарев, как я узнал позже, был уроженцем деревни Глядино Брянского района. Он прошел большой трудовой путь. Работал кузнецом, слесарем, столяром, после службы в пограничных войсках стал директором пригородного хозяйства в Белых Берегах, а с 1938 года - сотрудник Брянского райкома партии. В начале Великой Отечественной войны Писарев по заданию райкома проводил подготовительную работу по организации борьбы против гитлеровцев. А когда враг оккупировал Брянскую область, Александр Тимофеевич вместе с другими партийными и советскими активистами руководил партизанским движением. Сначала он командовал отрядом, а с марта 1943 года - бригадой.

За успешное выполнение боевых заданий во вражеском тылу

А. Т. Писарев был награжден орденами Красного Знамени и Отечественной войны и несколькими медалями.

5 августа мы снова вылетели по уже освоенному маршруту к своим лесным друзьям. Вышли на цель, но сигнальных костров не обнаружили. Пришлось долго кружить, прежде чем костры загорелись. Видимо, партизаны не могли вовремя это сделать. Сбросив груз, легли на обратный курс. За 50 километров до аэродрома борттехник Александр Леонов доложил командиру корабля Ю. Е. Волкову, что горючего в баках самолета осталось немного.

- Постарайтесь не делать лишних кругов над аэродромом, иначе не дорулим до стоянки, - сказал Леонов.

- Постараюсь, - улыбаясь, ответил Волков. - А ты что скажешь, штурман?

После моего доклада улыбка с лица командира исчезла. Еще бы! Мы летели на высоте 500 метров, но разглядеть ничего нельзя было: землю покрыл туман. И чем ближе мы подходили к аэродрому, тем больше туман сгущался.

Волков запросил командный пункт полка. Радист Константин Воронов буквально через минуту принес ответ: "Хоботово закрыто". Самолет летит быстро, а горючее расходуется еще быстрее. И все же командир экипажа сделал два круга над аэродромом. Никаких проблесков. Плотная белая пелена окутала всю окрестность. Производить посадку, не видя земли, очень рискованно: системы слепой посадки в то время еще не было. Мы могли выброситься на парашютах, но таких ТБ-3, как наша "двойка" (с моторами М-34РН), в полку остался только один, и мы решили попробовать посадить, спасти машину.

Лейтенант Ю. Е. Волков взял курс на север, в район вероятного ослабления тумана. Что случится раньше - кончится горючее или откроется хотя бы кусочек земли для посадки? Прошло шесть долгих томительных минут, и вдруг навстречу нам лениво пополз спасительный разрыв в мутной пелене тумана. На радостях хотелось крикнуть "ура", но тут, как по команде, разом заглохли все четыре мотора. Кончилось горючее. Тишину нарушал только встречный поток воздуха. Высота катастрофически падала, а "окно" исчезло.

Мы снова оказались в плотной массе тумана. Однако изменить решение о посадке было уже невозможно: четырехлопастные винты застыли и погрузились в серую муть.

Удар колесами о землю. Самолет подпрыгнул и, сделав пробег по каким-то буграм, остановился. Вылезать из машины бесполезно. Туман был настолько густой, что за метр ничего не видно. Часам к одиннадцати он рассеялся. И мы оказались... в

стране "лилипутов". Маленькие человечки буквально облепили наш корабль, который стоял в трех метрах от обрывистого берега колхозного пруда. А на другом берегу виднелся красивый деревянный дом с вывеской "Детский сад". Стрелок и радист объяснили малышам, где крыло, фюзеляж, хвостовое оперение. А любопытные ребятишки щупали колеса и удивленно кричали:

- Какой большой аэроплан!..

Нам привезли горючее. Волков и второй пилот Коломиец тщательно осмотрели поле, прикинули его размеры и, подрулив на самый край, взлетели не хуже, чем с аэродрома.

В полк мы возвратились к моменту подведения итогов боевой работы за предыдущий месяц. Собравшись на лесной поляне, летный и технический состав слушал приказ командира части. Читал его начальник штаба подполковник Р. В. Андреев. Картина была впечатляющая. Нет необходимости приводить цифры, свидетельствующие о том, какой урон мы нанесли противнику за это время. Достаточно сказать, что экипажи тяжелых бомбардировщиков выполняли боевую работу по уничтожению скопления вражеских эшелонов, разрушению железнодорожных путей на станциях Барвенково, Краматорск, Славянск, Орел, Карачев, Рославль; они бомбили гитлеровские аэродромы в Карачеве, Барвенково, Краматорске; громили неприятельские войска и технику в Томаровке, Пушкарном, Бутово, Быковке, Покровке, Лучках, Карановке, Прохоровке, Изюме, Белгороде и других городах и населенных пунктах.

В числе лучших были названы экипажи лейтенантов А. С. Пошишолина, В. И. Феоктистова и Ю. Е. Волкова. Вместе с командирами кораблей были отмечены и штурманы: лейтенант Виктор Аверин, младший лейтенант Игорь Волков и я. Товарищи тепло поздравили нас, пожелали новых успехов.

В тот же день мы услышали радостную весть о том, что советские войска освободили города Орел и Белгород. Среди других соединений и частей, получивших наименование Орловских, была и наша 54-я дивизия АДД.

Сообщение Советского информбюро и приказ Верховного Главнокомандующего вызвали новый прилив сил у авиаторов и поток заявлений о приеме в ряды Коммунистической партии. В эти дни стал коммунистом и бортмеханик А. А. Забродский. Тепло пожимая ему руку, секретарь партбюро полка капитан Козлов сказал:

- Поздравляю, Антон Афанасьевич! Вы - пятидесятый однополчанин, принятый в партию за время боев под Сталинградом и на Курской дуге. Надеюсь, высокое звание коммуниста оправдаете с честью.

- Буду стремиться к этому, товарищ капитан, - ответил бортмеханик.

Слово свое он сдержал. Сутки спустя я убедился в этом лично.

2

8 августа наш экипаж вызвали в штаб полка.

- После ожесточенного боя с гитлеровцами партизанскому отряду Семенова срочно необходимы боеприпасы, оружие и медикаменты, - сказал майор Афонин. У вас машина хорошая, экипаж опытный, вам и поручается полет в Клетнянскйй лес. - Командир испытующе посмотрел на Волкова.

Лейтенант ответил спокойно, будто знал об этом давно:

- Мы готовы вылететь хоть сейчас.

- Да, именно сейчас. Полетите на елецкий аэродром, возьмете там груз, заправитесь и с наступлением сумерек произведете взлет.

Солнце уже клонилось к горизонту, когда мы произвели посадку в Ельце. На большом аэродроме нас ожидал груз. По десять больших брезентовых мешков лежало против каждого самолета. Мы быстро загрузили свою машину, заправили ее горючим и пошли ужинать.

В столовой ко мне подошел штурман эскадрильи старший лейтенант Е. И. Петров, координировавший из Ельца работу нашей эскадрильи со штабом партизан. Он отвел меня в сторонку и тихо сказал:

- Будьте осторожны. В партизанских районах немцы имеют усиленный воздушный патруль. - Петров поправил светлую прядь волос, надел пилотку и повторил: - Смотрите там повнимательней.

- Спасибо за предупреждение, - сказал я и хотел уходить, чтобы разыскать своих давних друзей Сысуева, Кошелева и Рустемова, но Петров остановил:

- Сегодня подсажу к вам молодого штурмана, младшего лейтенанта Михаила Кривошеенко. Покажите ему партизанский край. Возможно, скоро выпустим его самостоятельно.

За ужином я встретился с товарищами. Узнав, что мы летим во вражеский тыл, Василий Кошелев дал мне где-то раздобытую им гранату, Михаил Сысуев пригоршню патронов к пистолету, а Курал Рустемов - три куска хлеба с маслом.

- Все пригодится, - сказали они.

В штурманской кабине я был за старшего. С момента взлета все делал Кривошеенко, а мне лишь приходилось временами проверять его записи, контролировать расчеты. "Старается, значит, дело пойдет!" - думал я о молодом коллеге.

Пролетели Орел. Михаил показал мне линию фронта. Расчетное время сошлось с фактическим. Я встал за пулемет и начал вести наблюдение. Чистый воздух приятно освежал лицо. Над головой весело мерцали звезды. Впереди показались брянские лесные массивы и костры на партизанских площадках. Кое-где фашистские стервятники обстреливали огни, но они не гасли, а еще ярче разгорались.

- Истребителей видишь? - спросил меня командир экипажа. - Предупреди воздушных стрелков.

За носовой пулемет встал Михаил Кривошеенко, сержант Воронов, прижавшись к другому пулемету, просматривал нижнюю сферу. Как правило, радиосвязь с землей он заканчивал перед линией фронта и приступал к обязанностям стрелка. В заднем отсеке (в хвостовой кабине) сидел воздушный стрелок Николай Лазарев. Он будто врос в пулемет.

- Будьте спокойны, - крикнул мне сержант, - к хвосту фрицев не подпущу!

Проходя обратно, я обратил внимание на борттехника Александра Леонова и бортмеханика Антона Забродского. Они установили никем не предусмотренные два пулемета Дегтярева, и сейчас, как по команде, прильнули к ним. Один - с правого борта, второй - с левого. Беспрерывно гыркала турельная кабина стрелка. Там, в башенной установке над фюзеляжем, сидел воздушный стрелок Иван Быченко.

Доложив обо всем лейтенанту Волкову, я показал на цифру 400. Самолет подходил к цели. Летчик убрал газ, повел машину на снижение и сделал два круга над знакомой нам партизанской площадкой. Внизу появились костры. Привычным ударом финки Леонов разрезал нижний канат, и десять больших мешков с грузом полетели из бомболюков на землю.

Облегченная машина легко набирала высоту. Позади уже десятки километров. Мы шли на юго-восток на высоте 1000 метров. Мелькнула полоса железной дороги, чуть правее - город Почеп. И вдруг откуда-то появились самолеты противника. Один "мессершмитт" подошел к нашему ТБ-3. Ночную темень разрезали свинцовые трассы. Казалось, оба самолета соединились разноцветными лентами. Но огонь наших стрелков оказался точнее. "Мессер" задымил, пошел со снижением и исчез.

А буквально через минуту второй фашистский стервятник атаковал нас снизу. Воронов двумя короткими очередями отбил атаку, но гитлеровец повторил ее сверху сзади. Ураганный огонь крупнокалиберных пулеметов Быченко и Лазарева отогнали немца. Наступила тревожная пауза. Откуда последует очередная атака?

Весь экипаж с напряжением следил за темно-синим небом. Техник и механик первыми заметили врага по выхлопным патрубкам - огни двухмоторного "мессера" показались сверху. И снова задрожал наш самолет от дружной работы шести пулеметов. Ме-110, на мгновение исчезнув, опять бросился в атаку справа.

Противник оказался настырным, наскок за наскоком повторялся уже который раз. Лейтенант Волков развернул машину и с курсом 110 градусов повел ее на сплошной черный лес, который хорошо просматривался впереди. У нас кончились патроны. Я взглянул вниз. Зловеще мигал неоновый светомаяк вражеской авиации. Мы понимали что где-то недалеко аэродром, с которого поднялись "мессершмитты", атаковавшие нас.

Удар потряс машину, заглох левый крайний мотор. Костя Воронов, весь окровавленный, лежал у разряженного пулемета, рядом тихо стонал тяжело раненный в ногу Ваня Быченко. Коля Лазарев безжизненно повис на своем пулемете. Объятый пламенем, ТБ-3 стремительно падал. Спасти его не было никакой возможности. Из полыхавшей плоскости валил густой черный дым. Горели бензин и масло. Пламя подбиралось к раненым.

- Покинуть самолет! - приказал командир экипаж.

Один за другим мои товарищи проваливались во тьму. С нашей помощью прыгнули раненые. Опустили мы с борта на парашюте и тело убитого Коли Лазарева. Убедившись, что на борту никого не осталось, кроме командира и меня, я подошел к Юрию Евгеньевичу и крикнул:

- Прыгаем вместе!

Струя встречного потока воздуха швырнула меня из самолета. Я обо что-то ударился, но успел выдернуть кольцо парашюта. Новый удар привел меня в чувство. Я лежал на траве. Из левого уха и из носа текла кровь, в голове шум, трескотня, в глазах - разноцветные круги. С трудом расстегнул подвесную систему, освободился от парашюта, перевязал голову.

Мысль была одна: пробираться на восток, к своим. Но из рассказов однополчан я знал, что фашисты будут идти но следу. Посмотрев на темное небо, я нашел Полярную звезду, встал к ней лицом. Справа был восток. Я повернулся лицом на юго-восток и, выбрав ориентир, отправился в путь.

Ноги запутывались в густой траве, страшно хотелось пить. Но вот потянул ветерок, и стало прохладней. Вдали послышался лай собак, крик петухов. Я добрался до развалин старой бани, стоявшей на краю деревни, и мгновенно уснул.

На следующую ночь встретился с Антоном Забродским. Вскоре пошел сильный дождь, намокли гимнастерки, чмокала

вода в сапогах. Через каждые пятьдесят шагов приходилось останавливаться, очищать обувь от жирного чернозема.

Рассвет застал нас на открытой местности. Кругом ровные поля, изрезанные дорогами. Ни одного деревца. На счастье, совсем недалеко, зеленела высокая лебеда. Мы спрятались в ней. Над головой несколькими группами пролетели транспортные самолеты противника Ю-52. Шли они к линии фронта. И вдруг Забродский тревожно прошептал:

- Смотри, Саша!

Я оглянулся. В двухстах метрах от нас стояли три немецких солдата, держа на поводу здоровенных овчарок. Натянув ошейники, псы рвались в нашу сторону. Офицер что-то рассказывал солдатам, а рядом с ним стоял мужчина в черном костюме.

- Эх, гранату бы сейчас! - сказал старший техник-лейтенант Забродский.

Над головой на бреющем полете промчался неуклюжий "хеншель". Через несколько минут он снова появился и, качнув крыльями, исчез в западном направлении. Гитлеровцы прикрикнули на собак и ушли туда, куда улетел вражеский самолет. Видимо, они кого-то искали, быть может наших товарищей.

Мы с тоской смотрели на яркое солнце, а оно никак не хотело уходить за горизонт. Время тянулось медленно. Но вот надвинулась туча. Небо раскололось пополам. Молния, еще молния. Закапал дождь. Мы вылезли из бурьяна и снова двинулись на юго-восток.

К полуночи достигли берега Десны. Мокрые, голодные и измученные, мы посидели у одинокой лиственницы. Стало рассветать. Я посмотрел на реку. Она была полноводной и довольно широкой. На другом берегу начинался лес. "Там партизаны, там жизнь", - думал я, вглядываясь в заросли, где раздавались мирные звуки кукушки и усердная стукотня дятла.

Антон Забродский сказал, что плавает плохо, поэтому мы решили найти более узкое место. Пошли по заросшей травой тропке вдоль высокого берега. Неожиданно впереди увидели немцев. Медлить было нельзя. Быстро скатились по откосу и, сняв с себя обмундирование, бросились в воду. Когда плыть осталось совсем немного, над рекой раздались выстрелы, засвистели пули. Но вот спасительные камыши. Еще рывок, и мы скрылись в них.

Мокрые и усталые, в одном нижнем белье, брели мы по неизведанным тропам большого леса. Огромные стволы тянулись вверх. Нам казалось, что макушки зеленых гигантов упирались в кучевые облака. С воздуха я без труда отыскивал партизанские

площадки, а вот как теперь, на земле, найти их в этом лесу?

Мы вышли на лесную поляну, посреди которой в зарослях травы красовалось озеро. Напившись холодной прозрачной воды, сделали привал. Забродский прильнул к земле. Вдруг он поднял голову и посмотрел на меня:

- Дымом пахнет!

Антон остался у озера, а я по-пластунски пополз в сторону дыма. Из кустов рябины увидел шалаш, на крыше которого лежал хлеб. Соблазн был велик. Я переложил пистолет в левую руку, а правой потянулся к хлебу. В это время сзади послышался шорох. Я оглянулся. На меня в упор был направлен ствол автомата. Плотный мужчина, заросший рыжей бородой, на чистейшем русском языке крикнул:

- Руки вверх!

Это был партизанский дозор.

Диверсионная группа, которой командовал местный житель из села Рясное, Леонов Петр Прокофьевич, доставила нас в штаб партизанской бригады имени Щорса. У землянки нас встретил высокий стройный человек с широкой русой бородой и умным взглядом проницательных голубых глаз. Это был комбриг Александр Тимофеевич Писарев, о котором я так много слышал.

Получив подтверждение с Большой земли, А. Т. Писарев вернул нам оружие и спросил:

- Что будем делать дальше? Впрочем, приведите себя в порядок, отдохните, а там решим.

Мне выдали пиджак в заплатах, старые кавалерийские брюки и немецкие, несгибаемые, как лубок, сапоги. Уже на второй день я натер в них ноги до крови. Зато Антону Афанасьевичу Забродскому повезло. Лапти, сплетенные из строп грузовых парашютов, пришлись ему по душе. Легкая и очень удобная обувь в лесу.

Выделив группу партизан во главе с начальником штаба бригады, Писарев послал ее с заданием разыскать и, если потребуется, оказать помощь остальным членам нашего экипажа. Через несколько дней в штаб бригады привели второго пилота младшего лейтенанта Ивана Петровича Коломийца, затем партизан Деньчуков Иван Александрович принес в землянку тяжело раненного воздушного стрелка сержанта Ваню Быченко. В партизанской бригаде имени Щорса нас стало уже четверо. Посоветовавшись, мы пошли к комбригу с просьбой послать нас на боевое задание. Но опытный партизанский вожак только улыбнулся:

- Одно дело в воздухе, совсем другое - у нас. Здесь свои законы войны. - Писарев посмотрел на нас и добавил: - Вы там

нужны, отправим вас на Большую землю.

В бригаде имени Щорса нас окружили вниманием и заботой. Вечерами партизаны слушали наши рассказы о боевых делах авиации дальнего действия. В свою очередь они тоже делились с нами воспоминаниями о наиболее удачных боевых вылазках и операциях. Однажды сам комбриг Писарев поведал нам о большом бое брянского районного отряда с крупными силами карателей.

Ранним майским утром 1943 года дозоры доложили комбригу о появлении группы вражеских разведчиков на опушке леса. Через несколько минут густые цепи гитлеровцев пошли в наступление. Немцы считали, что их разведка осталась незамеченной и, применяя свой стандарт "внезапности", надеялись на успех. Но их расчеты не оправдались. Со стороны зарослей, где лежали партизаны, затрещали пулеметы, автоматы, открылась стрельба из винтовок, затем в ход пошли гранаты. Фашисты отступили, оставив много убитых и раненых.

Но передышка была короткой. Пополнив ряды, каратели снова пошли в атаку, на этот раз - в психическую. Командир роты Александр Силин повел автоматчиков в контратаку. Фашисты, бросив два пулемета и десятки убитых, отошли. Однако на этом они не успокоились. Вскоре к ним подоспело пополнение. Несмотря на большие потери, враг напористо атаковал партизан.

Ожесточенный бой продолжался весь день. Немцы потеряли две бронемашины, танк и десятки солдат и все же не оставляли своих намерений - сломить сопротивление партизан.

- А у вас потери были? - спросил Иван Коломиец.

- Войны без жертв не бывает, - ответил Писарев. - Немцы, окружили нас, пришлось прорывать вражеское кольцо. А когда вышли из окружения, снова собрались. И, как видите, продолжаем драться. Правда, с боеприпасами у нас не густо, приходится беречь каждый патрон. А фашисты, как вы знаете, делятся оружием не очень охотно.

Нелегко было нам летать на задания на стареньких машинах ТБ-3, но во много крат тяжелее партизанам.

Ведь в окружении врага они добывали продовольствие, с боем брали оружие, обмундирование. Все это мы видели своими глазами, всякий раз поражаясь мужеству этих людей, добровольно вступивших в борьбу с фашистами. Только здесь я по-настоящему понял, что немцы временно захватили лишь территорию. Душу народа, его убеждения, его национальное достоинство и самосознание им захватить не удалось и никогда не удастся.

Когда сержант Быченко немного окреп, А. Т. Писарев

приказал партизанам Николашкину, Барабанову и Бушмелеву проводить нас на аэродром близ города Трубчевска. Поблагодарив комбрига и его помощников за помощь и гостеприимство, мы тронулись в путь. Нелегко было идти лесными тропами около 70 километров, переплывать реку Навля, поддерживая раненого Быченко. Однако на четвертые сутки мы все же добрались до места расположения южной группировки партизан, которой командовал полковник Горшков. Полковник и отправил нас на самолете в родной полк.

Несколько дней спустя в часть возвратился и лейтенант Ю. Е. Волков. Многое перенес он в тылу врага, но воля к борьбе помогла ему преодолеть все трудности.

3

Командир 54-й дивизии АДД генерал-майор авиации Василий Антонович Щелкин предоставил нашему экипажу краткосрочный отпуск. Командира корабля Волкова мы проводили в Москву, там у него жила его жена и трехлетняя дочурка Таня. Забродский и Коломиец отдыхали при части, Ваню Быченко врач В. П. Ершов направил в госпиталь, а я свой отпуск проводил в соседнем с гарнизоном селе, где жила моя жена Лилия вместе с матерью Евдокией Ильиничной Дроздовой и сестрой Ириной, эвакуированными из Воронежа.

Мое возвращение в семью было неожиданным, потому что Лилия через месяц после нашей свадьбы получила извещение: "Ваш муж не вернулся с боевого задания". Нет необходимости говорить, сколько было радости при встрече, сколько расспросов о вынужденных скитаниях во вражеском тылу...

Мелькали дни, проходили недели, а вестей о судьбе Александра Леонова, Михаила Кривошеенко, Константина Воронова и Николая Лазарева не было. Только много лет спустя на мой запрос пришла долгожданная телеграмма: "Константин Алексеевич Воронов проживает в Туле, по, улице Кутузова, 90, квартира 54".

Трудно пересказать, какие лишения испытал раненый воздушный стрелок-радист, когда он приземлился с парашютом в памятную ночь 8 августа 1943 года. Важно то, что ни болезни, ни голод, ни бесконечные переброски из одного лагеря в другой на далекой чужбине не сломили духа советского авиатора.

В ночь под новый, 1945 год Константину Воронову вместе с девятью другими патриотами удалось бежать из лагеря Лицманштадт. Пятнадцать суток пробирались беглецы к линии фронта.

К. А. Воронову снова предоставили возможность летать. Его зачислили воздушным стрелком на самолет Ил-2, где

командиром был знаменитый летчик-штурмовик дважды Герой Советского Союза капитан Т. Я. Бегельдинов. 36 боевых вылетов совершил Воронов, будучи в 144-м гвардейском штурмовом, авиационном полку 2-й воздушной армии. Он сражался с гитлеровцами до победного конца войны, громил их в битвах за Берлин и Прагу. Родина высоко оценила отвагу и мужество сержанта К. А. Воронова, удостоив его четырех боевых наград.

Уже после Великой Отечественной войны я узнал о том, что тела М. М. Кривошеенко и Н. А. Лазарева захоронены в селе Алексеевка, где установлен обелиск вечной боевой славы, а А. С. Леонова - в братской могиле в селе Сосновое Болото Брянского района. Местные жители А. А. Тананыкин, В. Я. Мамонов и П. Я. Жариков, свидетели воздушного боя ТБ-3 с двумя "мессершмиттами", рассказали, что мои однополчане предпочли смерть фашистскому плену.

4

К сентябрю 1943 года наш полк вооружили новыми самолетами Ли-2. После отдыха опять знакомая музыка моторов, запахи бензина, деловая сосредоточенность боевых друзей. Мы с Волковым включились в привычную жизнь полка. Командир начал тренировочные полеты, а я знакомился с навигационно-пилотажным оборудованием, учился настройке РПК-2 на приводную радиостанцию.

В новой машине мне многое нравилось. Оборудование штурманской кабины расположено удобнее, чем на ТБ-3. Прямо перед лицом штурмана смонтирован электросбрасыватель ЭСБР-3. Стоит нажать кнопку, и бомбы полетят вниз. Рядом аварийный сбрасыватель бомб, чего не было на ТБ-3. Здесь же щиток управления радиополукомпасом РПК-2 и индикатор курса. Удобно было работать и с членами экипажа: радист сидел сзади меня, летчики чуть впереди, а между ними бортмеханик. Переговоры не требовали специальных аппаратов и устройств. Два мотора с воздушным охлаждением (АША-62) вынесены далеко от пилотской кабины, поэтому разговаривать было легко: мы хорошо слышали друг друга.

Внутренней подвески бомб на борту самолета Ли-2 не было. Только четыре бомбодержателя под плоскостями. Максимальная подвеска 1000 килограммов: либо две бомбы по 500, либо четыре по 250.

- Машина что надо, - удовлетворенно сказал борттехник. - Главное ее преимущество - универсальность: на ней можно не только бомбить, но и десант возить, грузы перебрасывать...

Изучив как следует материальную часть, мы перебазировались на аэродром Лебедин, не так давно

освобожденный наземными войсками. Собрав летный состав у флагманского самолета, командир полка Н. Г. Афонин, получивший звание подполковника, поставил боевую задачу. Она заключалась в том, чтобы срочно перебрасывав военные грузы для фронта. Буквально через полчаса, за грузив ящики в фюзеляж, мы взлетели и взяли курс на запад. Чем ближе подходили к фронту, тем больше снижались. А в непосредственной близости от места сбрасывания груза шли на бреющем полете.

Теперь я летал в экипаже лейтенанта Петра Григорьевича Долгополова, высокого голубоглазого блондина. Родом он из Харьковской области.

- Скоро вышвырнем врага с многострадальной украинской земли, - говорил командир. - А там погоним его в собственную берлогу.

Однажды, сбросив груз, мы вернулись на свой аэродром. Самолет сразу же заправили и на борт посадили 20 хорошо вооруженных десантников. П. Г. Долгополов вырулил на старт и тут же взлетел.

Ли-2 быстро набрал высоту 2500 метров. В кабине свежо, парашютисты плотнее прижались друг к другу. На небе, как светлячки, загорались звезды, а внизу необъятная гладь великой украинской реки.

Правый берег Днепра гитлеровцы считали неприступной крепостью. Они зарылись в землю, обросли огневыми точками, опутали плацдарм несколькими рядами колючей проволоки.

На фоне лунного неба видны очертания города Канев. Недалеко от него место высадки десанта. Самолет снижается до 400 метров. Даю команду:

- Приготовиться!

Десантники встали. Поправив парашюты, повернулись лицом к дверям. Гитлеровцы, услышав работу моторов на малой высоте, открыли огонь из пулеметов. Разноцветные трассы начали вспарывать воздух.

- Пошел! - крикнул я десантникам.

Через 40 секунд в самолете не осталось ни одного парашютиста.

Когда мы возвратились к Днепру, на правом его берегу разгорался ожесточенный бой. Десантная группа советских войск дралась с обозленными неудачами и провалом на Восточном фронте фашистскими частями. Немцы подожгли несколько деревень, чтобы осветить советских парашютистов, но отважные бойцы яростно дрались, поливая врагов автоматным огнем.

Наш аэродром напоминал огромных размеров улей, откуда с раннего утра до позднего вечера, подобно пчелам, летали

самолеты. Подполковник Афонин лично руководил боевой работой. Целыми днями стоял он у стартовой машины с микрофоном в руках, выпуская Ли-2 в воздух и обеспечивая их посадку. Только иногда Николай Григорьевич садился за штурвал и вел корабль к месту выгрузки, чтобы лично удостовериться, как идут дела, что необходимо перебросить в первую очередь.

Закончив работу по обеспечению фронта военными грузами, подполковник Афонин объявил благодарность экипажам за отличное выполнение заданий. Рустемову, Кошелеву, Сысуеву и мне было досрочно присвоено звание "лейтенант".

На Ленинградском фронте

1

Начало декабря 1943 года выдалось очень холодным. Однако, несмотря на морозы и ветры, работа на конотопском аэродроме не прекращалась. Полк готовился к перелету на Ленинградский фронт.

Среди моих сослуживцев были ленинградцы: командиры кораблей лейтенант Паков Сергей Иванович, младший лейтенант Колеганов Владимир Александрович, штурман Игорь Волков и борттехник Александр Фадеев. Паков имел особый счет к гитлеровцам: от голода умер его отец во время блокады.

Подготовка к дальнему перелету проводилась под руководством старшего инженера полка Попкова Максима Георгиевича. Перед вылетом он сам проверил работу моторов. И вот наступила долгожданная минута. Подлолковник Афонин первым поднялся в воздух и повел эскадрильи на север. Погода по маршруту была хорошей. Ясный морозный день, безоблачное синее небо. Видимость более десяти километров.

В тот же день мы произвели посадку в районе Великих Лук. Приземлившись, сразу же узнали, что с этого аэродрома действует полк, где летчики, штурманы и техники - женщины; они летали на бомбардировку врага, возили груз к партизанам. Кроме авиационных частей здесь стояли подразделения десантных войск и батальоны аэродромного обслуживания.

К нашему самолету подошли десантники-парашютисты. Несколько человек из них я узнал. Это были парашютисты десантных войск, которых мы выбрасывали под Каневом, на правом берегу Днепра.

Выполнив задание, они вернулись на свою территорию, а теперь здесь готовятся к полету в партизанский край. Как старые знакомые, мы обсуждали обстановку на фронте. Они рассказали нам, что готовится большой десант и что наши самолеты они ожидали с нетерпением.

В первые дни мы тренировали десантников, готовили их к

предстоящим прыжкам, прокладывали маршруты будущих полетов в тыл врага. А 13 декабря впервые вылетели на Ленинград. Мы шли над Октябрьской железной дорогой. В радиусе 15-20 километров местность была видна как на ладони. Я старался запомнить характерные линейные ориентиры, которые могли бы помочь водить самолет ночью.

- Штурман, о чем задумался? - спросил меня командир. - Скоро Ленинград.

А думал я о том, как в декабре 1939 года вместе со своими сверстниками ехал по этой же дороге на Карельский перешеек, где началась война с финнами...

Флагманский корабль пошел на снижение, за ним - остальные. Над Чудовом мы пронеслись на бреющем полете. Над Ладожским озером, где пролегала Дорога жизни, барражировали советские истребители. А когда наши самолеты сели на аэродроме, "ястребки" развернулись и исчезли в направлении Финского залива.

Старший инженер полка М. Г. Попков, инженер эскадрильи В. В. Кирюхин, техники и механики встречали Ли-2 и показывали, куда заруливать. Владимир Васильевич Кирюхин долгое время летал борттехником. Однажды ночью после выполнения боевого задания его самолет шел на высоте 3000 метров. Из-за интенсивного обледенения вышли из строя все приборы. Машина начала падать. Борттехник не растерялся. В штурманской кабине он прорубил борт фюзеляжа и вывел трубку воздухоприемника наружу. Прибор скорости заработал, и командиру корабля майору Ф. А. Жмурову на высоте 500 метров удалось вывести самолет в горизонтальное положение.

Опыт В. В. Кирюхина распространили в полку. Вскоре инициативного борттехника назначили инженером эскадрильи, и он тщательно осматривал самолеты перед каждым вылетом.

После нескольких ненастных дней погода улучшилась, в мы приступили к боевой работе. 14 января подполковник Афонин получил приказ из штаба 4-го корпуса АДД: нанести бомбардировочный удар по вражескому укрепленному району Беззаботный.

Мы поднялись в воздух. Нижняя кромка облаков опустилась до 800 метров, однако командир не изменил принятого решения. Сергей Паков, в экипаж которого меня назначили, сказал мне:

- Штурман, бомбить будем в два захода.

Наш самолет Ли-2 брал четыре бомбы весом по 250 килограммов. На каждый заход - две бомбы.

Мы подходили к цели. Неистово ухали зенитки, беспрерывно били автоматические пушки. Красные шары прошивали толстый

слой облаков и рвались где-то выше нас. Не переставая, строчили пулеметы, разноцветные трассы пуль обсыпали нижнюю кромку облачной завесы.

С ходу сбросив первые бомбы, мы нырнули в облака и, развернувшись, пошли на второй заход. Бросаю фугаски - и снова в белую спасительную пелену. Гитлеровцы бьют по самолетам наугад, поэтому их огонь не причиняет нам никакого вреда. Первый боевой вылет в небо Ленинграда закончился благополучно.

А через день мы бомбили укрепрайон противника в Красном Селе. Летчики-ленинградцы, как всегда, вылетели первыми. Лейтенант Паков повел самолет на цель. Мощные лучи вражеских прожекторов схватили нас еще на подходе к укрепленному району. Кабина ослеплена, но Сергей Иванович не свернул с боевого курса. Под нами красная вспышка. Видим, разорвался снаряд, затем второй, третий...

Наши бомбы взорвались в складе с боеприпасами. Паков резким разворотом влево вывел машину из зоны огня. Багровое небо осталось позади. А вот и аэродром. Заправив Ли-2 горючим и подвесив бомбы, мы снова взяли курс на Красное Село. Очагов пожара становилось все больше и больше.

19 января Совинформбюро сообщило, что наши войска в результате упорных боев овладели Красным Селом. Полкам и дивизиям, штурмовавшим этот укрепрайон, было присвоено наименование Красносельских. Так с тех пор стал называться и наш 325-й бомбардировочный авиационный полк.

В ночь освобождения Красного Села особенно отличился экипаж капитана А. П. Головкина. Он совершил пять дерзких вылетов. Узел обороны врага защищался мощной зенитной артиллерией и прожекторами. Но Головкин и его штурман младший лейтенант Волков пошли на хитрость. Они повели свой бомбардировщик много ниже, чем остальные экипажи. Немцы не смогли быстро переменить прицел своих зениток, поэтому штурман беспрепятственно обрушил бомбы на склад артиллерийских снарядов.

2

На аэродром прилетел командующий авиацией дальнего действия Главный маршал авиации Александр Евгеньевич Голованов. Он вышел из самолета один, без обычного в таких случаях сопровождения. Подошел к стоянке нашей эскадрильи, спросил, кто мы, назвал себя. Но мы знали его в лицо. Командир эскадрильи приготовился к официальному докладу. Главный маршал сказал:

- Соберите летчиков, есть срочный разговор. Все быстро

собрались.

- Товарищи, знаю, что вы летаете в бой ночью. Но обстановка требует летать и днем. - Главный маршал обвел взглядом летчиков и продолжал: Лететь надо сейчас, сию минуту. На линии фронта есть тяжелораненые бойцы и офицеры. Их надо доставить самолетами в ленинградский госпиталь.

...Без сопровождения истребителей, на бреющем полете мы прилетели на передовую. Дым фронтового пожара стлался по заснеженным ленинградским полям. Землю было плохо видно, но все же сели, подрулили к медсанбату. Члены экипажа вместе с медицинским персоналом переносили в самолеты раненых пехотинцев, танкистов, артиллеристов и воинов других специальностей.

До вечера мы успели совершить три рейса. А когда опустились сумерки, наш Ли-2, нагруженный бомбами, взлетел с аэродрома и взял курс на Сиверскую. Там скопление вражеской техники и солдат. Несмотря на то что погода резко испортилась, мы отбомбились удачно.

На второй и третий день снова вывозили раненых с фронта в ленинградский госпиталь.

Последние дни января сорок четвертого года были напряженными. Работать приходилось очень много, Уставали мы, летчики, но немалая физическая нагрузка ложилась и на плечи инженеров и техников. Осмотреть самолет после боя, устранить дефекты и выпустить снова на боевое задание (и асе это без перерыва, днем и ночью) - не так просто. В боях, под Ленинградом они сумели обеспечить около 1200 боевых вылетов.

Старший инженер полка Максим Георгиевич Попков ни на минуту не покидал аэродром. Его всегда можно было видеть там, где всего труднее. А когда самолеты улетали на задание, Попков ходил молча, не отрывая глаз от красного, тревожного горизонта ночного неба. Он напряженно вслушивался в гул моторов. В такт с ними билось его сердце.

Вот подрулил к стоянке очередной Ли-2. Моторы работают с перебоями. От хвостового оперения остались одни клочья. Из самолета вылез младший лейтенант В. А. Колеганов. Инженер осмотрел машину и сказал:

- Не печалься, Владимир Александрович. Отремонтируем, будешь летать как на новой.

Это было трудное задание. Накануне немецкие артиллеристы особенно неистовствовали. Они посылали в осажденный город снаряд за снарядом. Надо было заткнуть горло вражеской артиллерии, но погода стояла явно нелетная. Густая хмурая облачность закрывала небо, на высоте грозило обледенение.

Лететь в подобную погоду могли только настоящие мастера, люди, готовые на самопожертвование. В числе таких был и Колеганов.

Вот что он рассказал однополчанам...

Не успел самолет набрать высоту, как началось обледенение окон кабины, коков винтов, моторы стало трясти.

- Пробьемся, - решил командир экипажа.

Он снизился до 700 метров и на этой высоте пошел на цель. Самолет поймали вражеские прожекторы, снаряды зениток рвались совсем близко.

- Огонь по прожекторам! - скомандовал летчик. Воздушные стрелки Т. С. Курченков и М. П. Дмитриев дали несколько очередей из пулеметов. В результате многие прожекторные установки были погашены. Штурман П. И. Лизоркин сбросил бомбы на артиллерийские батареи. Губительный огонь по Ленинграду прекратился.

Забегая несколько вперед, скажу, что во время налета на морскую базу Котка самолет В. А. Колеганова был атакован истребителем "Мессершмитт-110". В воздушном бою комсомольцы экипажа вышли победителями. Хищник был сбит. Колеганов благополучно довел машину до своего аэродрома и произвел посадку. Старший врач полка В. П. Ершов оказал срочную помощь раненым Курченкову и Дмитриеву. Командование представило членов отважного экипажа к правительственным наградам. Владимир Александрович Колеганов был награжден орденом Отечественной войны I степени.

Отлично выполнял свой долг борттехник бомбардировщика старший техник-лейтенант А. Фадеев. Он не раз летал на защиту родного города. Бомбы, сброшенные с его корабля, нанесли огромный урон гитлеровцам. Одна из них попала в эшелон с боеприпасами. Состав взорвался.

Экипаж Колеганова знал, что своей работой приближает час освобождения сотен тысяч людей от постоянной угрозы, висевшей над городом на Неве.

После освобождения Красного Села наш полк нанес удар по дальнобойным орудиям врага в Пушкине. Всю ночь мы бомбили фашистов в этом районе, выбивая их из долговременных укреплений.

21 января была очищена от гитлеровцев железнодорожная станция Мга, а 24-го - город Пушкин, затем - Гатчина.

Фронт стремительно катился на запад. Старший штурман полка капитан П. Н. Степин все чаще выдавал нам новые листы полетных и топографических карт.

После месячного сражения передовая отодвинулась от

Ленинграда на 200, а местами - на 220 километров. Фашисты потерпели здесь полное поражение. Жалкие остатки их разгромленных армий спешно отступали. Для бомбежек переднего края врага уже не требовались все силы бомбардировочной авиации. АДД приступила к выполнению своих непосредственных задач - начала летать в тыл врага, наносить удары по его военно-промышленным и административным центрам.

10 февраля из дивизии поступил приказ нанести бомбардировочный удар по военно-морской базе в Финском заливе - Котка. В этом налете, как я уже говорил, принимал участие и экипаж младшего лейтенанта Колеганова.

При подходе к цели мы заметили, что небо уже разрисовано разноцветным фейерверком. Как всегда, ленинградцы пошли в атаку первыми. Экипаж Колеганова, как и все остальные, сбросил бомбы и ушел на свой аэродром за новым боевым грузом.

16 февраля мы получили задачу нанести удар с воздуха по военно-промышленным объектам одного из крупных городов врага. Этот город с его незамерзающим морским портом был неплохо защищен от воздушного нападения. Когда наши бомбардировщики были за несколько километров от цели, гитлеровцы открыли ураганный огонь из крупнокалиберных зениток. Но это им не помогло. Экипажи сбросили бомбы точно на намеченные объекты.

Несколько позже, когда наступила более благоприятная погода, мы повторили бомбардировку. Нас не пугали ни зенитки, ни прожекторы. В эту ночь наш экипаж принял участие в массированном налете и совершил три боевых вылета. Вел свою машину к цели и ленинградец младший лейтенант С. И. Паков. Он мстил за смерть отца,, за муки, перенесенные его семьей, за родной Ленинград. Воевал он смело, летал на совесть и своим мужеством вдохновлял других.

На командном пункте к нам подошел корреспондент фронтовой газеты. Он долго разговаривал с нами, интересовался подробностями налета. Позже газетчик, к сожалению, запамятовал его фамилию, написал хорошую статью об отваге моих однополчан.

3

Нарва в системе обороны противника являлась очень важным узлом сопротивления. Здесь гитлеровцы дрались с особой яростью. Воздушные бои над этим районом тоже носили ожесточенный характер.

24 февраля 1944 года экипажу Сергея Панова было приказано произвести разведку погоды в районе цели, а в последующие ночи

мы начали бомбить железнодорожную станцию Нарва. По три раза в ночь вылетали наши корабли. До самого утра горели вражеские эшелоны, взрывались склады с боеприпасами и горючим.

Полк бомбил Нарву еще несколько раз. Но 20 марта радость успеха была омрачена. С задания не вернулся экипаж капитана Ганюшкина Николая Саввича. Штурманом у него был капитан Алырщиков Василий Авдеевич, вторым пилотом младший лейтенант Лямцев Григорий Андреевич, бортовым техником - Поздняков Андрей Илларионович, воздушными стрелками - старшина Шахунов Михаил Андреевич и сержант Зеленов Николай Александрович. В эту ночь на задание с ними летал и молодой штурман-стажер младший лейтенант Сынченко Иван Данилович.

Тяжело терять людей, с которыми вместе жили, летали на боевые задания. Три года войны сделали нас близкими, родными.

На другой день наш полк вылетел бомбить врага, отступавшего северо-западнее Нарвы. Никакого огня с земли не было. Или противник не успел подтянуть средства ПВО, или не хотел себя обнаруживать. Бомбы мы сбросили с малой высоты по намеченной площади.

"Что писать в боевом донесении?" - спрашивал я себя, подлетая к аэродрому. Меня мучила мысль, что бомбы были зря сброшены с самолета. Мы привыкли видеть пожары, прожекторы, взрывы вражеских снарядов, а тут - ни огонька.

"А ты всегда пиши, что видел..." - вспомнились слова старшего штурмана полка капитана П. Н. Степина. И я написал: "Бомбы сброшены по цели. Пожаров и взрывов не наблюдалось. ПВО противника не действовала".

Повторный боевой вылет был уже не таким. Гитлеровцы успели установить пулеметы, прожекторы. Однако это не помешало нам выполнить задание. Внизу наблюдались взрывы и пожары.

"Это вам за экипаж Ганюшкина!" - произносил каждый из участников вылета.

Как живой, стоял перед моими глазами Николай Саввич... Вчера утром выдалась солнечная погода. Хотя снег еще был глубокий, но пахло теплом. Чувствовалось приближение весны.

- Сходим на лыжах? - спросил меня Василий Кошелев, закладывая листок в свою любимую книгу "Как закалялась сталь".

- С удовольствием. Хоть на часок.

Получив разрешение на лыжную прогулку, мы гурьбой вышли из общежития.

Первым пошел Николай Саввич Ганюшкин, за ним - Василий

Авдеевич Алырщиков, Курал Рустемов. Мы быстро дошли до леса. Лыжи легко скользили по твердому утреннему снегу.

- Эх, как хорошо! - воскликнул Ганюшкин. Свежий, чистый лесной воздух. Мы на минуту как бы забыли о войне. И вдруг справа раздался огромной силы взрыв. Вверху застрочил пулемет. Над нами шел воздушный бой, неистовый, стремительный. Советский истребитель атаковал гитлеровского разведчика Ю-88. Он шел на высоте 10 тысяч метров. Летчик, вероятно, чувствовал себя в безопасности. Но фашист ошибся. Краснозвездной "ястребок" огнем своих пушек ударил по "юнкерсу", тот вспыхнул и резко пошел вниз. Не долетев до земли, разведчик взорвался. Несколько раньше экипаж успел выброситься на парашютах. Три гитлеровца приземлились километрах в трех от нас.

Капитан Ганюшкин скомандовал:

- Рустемов и Черешнев - вправо, Кошелев и Алырщиков - влево, в обход гитлеровцам бегом!

Мы мчались во весь дух. Когда выскочили на дорогу, увидели идущую навстречу полуторку. У кабины стояли два сержанта с автоматами.

- Опоздали! - сокрушенно сказал запыхавшийся от быстрого бега капитан Ганюшкин.

Когда мы вернулись, автомашина с гитлеровскими летчиками стояла уже там около большого деревянного дома. Мы подъехали к ней и только тут рассмотрели фашистов. Все трое по-прежнему сидели в кузове. Ближе к кабине майор штурман и командир Ю-88. Белые злые глаза настороженно смотрели из-под рыжих бровей. Рядом с ним - летчик, капитан. Правой рукой он нервно стучал по борту машины. Третий, видимо воздушный стрелок, немец лет девятнадцати-двадцати, без умолку говорил.

Рассерженный майор бросился на стрелка. Но в это время в кузов прыгнули три красноармейца, и машина с пленными тронулась.

- Отлетались, сволочи! - зло проговорил Ганюшкин и, обращаясь к нам, добавил: - Злее бить надо фашистскую мразь. Бить до полного разгрома!

"Будем бить, Николай Саввич!" - мысленно повторяю я сегодня и буду повторять до конца войны...

Хмурые облака повисли над аэродромом, летчикам объявили "Отбой!". Прямо от самолетов, не переодеваясь, мы пошли в столовую. Нам подали ужин. Только уселись, прибегает капитан И. Н. Островский.

- Хлопцы, по машинам! - крикнул он.

Мы побросали ложки и устремились на стоянку. Навстречу нам шли подполковник Афонин и майор Петросянц. Они

остановили нас.

- Синоптики сообщили, что в районе цели погода улучшается, - сказал командир полка. - Необходимо нанести бомбардировочный удар на псковском направлении. Немцы в Тарту сегодня ночью будут выгружать свои войска.

В ту ночь я летал в составе экипажа Ивана Николаевича Островского. Через Ленинград мы прошли с включенными бортовыми огнями. Казалось, небо над освобожденным городом засияло красными, зелеными и желтыми огоньками. С Карельского перешейка поднялась, наверное, вся ночная бомбардировочная авиация. Как только пролетели Ленинград, бортовые огни выключили, самолеты снова нырнули в темноту.

Наш корабль, пробив тысячеметровую толщу облаков, оказался под темно-синим куполом звездного неба. Минут через сорок показалось Чудское озеро. Мы подлетели к цели. Прямо перед самолетом разорвались три снаряда. Островский инстинктивно бросил машину вниз. Вверху осталась стена заградительного огня вражеских зениток. По обшивке еще раз застучали осколки, но мы ужо на боевом курсе.

Я сбросил бомбы, и командир резким движением рулей развернул самолет влево и ушел от цели. Над Чудским озером стрелки всех приборов заняли нормальное положение. Зона многослойного огня и истребители противника остались позади. Мы возвращались с победой, разбомбив шесть вражеских эшелонов, склады с горючим и боеприпасами.

Это тоже месть за экипаж капитана Ганюшкина.

4

Шли дни. Озлобленные неудачами, фашисты стремились любой ценой удержаться на рубежах Псков - Нарва. По данным разведки, на аэродромы, расположенные ближе к фронту, прибывали свежие авиационные силы, в воздухе все чаще стали появляться немецкие истребители. Но наши войска не ослабляли натиска. Ночная бомбардировочная авиация ежедневно бомбила вражеские узлы сопротивления.

9 апреля наша часть снова получила задачу нанести бомбардировочный удар по скоплению неприятельских войск. На командном пункте полка собрались командиры кораблей, офицеры штаба. Подполковник Андреев красным карандашом обвел на карте точку, обозначающую цель.

- Опять Нарва! - невольно сказал кто-то из присутствующих.

Начальник штаба не ответил на реплику. В землянку вошел подполковник Афонин.

- Наносим удар всеми самолетами, - сказал командир полка. - Сделаем три вылета. Воздушные стрелки должны быть готовы к

отражению атак "мессершмиттов". Задача ясна?

- Ясна, - ответили летчики.

Мы вышли из землянки. Рядом со мной был летчик Алексей Сергеевич Пошишолин. Лейтенанта я знал давно. Всегда веселый, внимателен к товарищам. И мы платили ему взаимностью. Долгое время он летал со штурманом старшим лейтенантом Авериным Виктором Ивановичем. А когда Аверина выдвинули на должность заместителя штурмана полка по радионавигации, Пошишолин стал летать с Андреем Ивановичем Кишкеневым, скромным, знающим свое дело офицером.

В полку лейтенант воевал с июля 1941 года. Сражался на подступах к Москве, под Сталинградом, на Курской дуге, и вот теперь - западнее Ленинграда. И всюду, где бы ни появлялась машина Пошишолина, бомбовый груз ее ложился точно в цель.

...Небо прочертили две зеленые ракеты. Все мы кинулись к своим самолетам и вскоре взлетели. Ночь была очень темная. Только над Финским заливом пылало зарево - отражение морского боя. Земля почти не просматривалась. Но опытный глаз летчика быстро улавливал возникающие на мгновение вспышки автомобильных фар: по дороге двигалась колонна.

- Нарва, - предупредил старший штурман полка. Над городом вдруг вспыхнули трассы пуль, забесновались зенитные орудия. Загорелись светящиеся бомбы, сброшенные с наших самолетов. В небе заметались лучи прожекторов.

На земле беспрерывно рвались бомбы, возникали очаги пожара. Вот в небе вспыхнул факел. Почти рядом с нашим самолетом. Вспыхнул и круто пошел к земле.

- Стервятника сбили, - сказал борттехник.

Отбомбившись, мы уходили от все увеличивающегося моря огня, охватившего станцию Нарва, район боевых позиций врага...

Вернулись все, кроме Пошишолина. Его долго ждали, но он не возвращался. И вот донесение командира ордена Ленина 123-й стрелковой дивизии: А. С. Пошишолин погиб, похоронен в братской могиле в районе Нарвы.

Спустя некоторое время в полк возвратился один из членов экипажа Пошишолина - воздушный стрелок Соловьев. Он и рассказал, что, когда бомбардировщик уже выполнил задание, на него набросились два "мессера". Экипаж в течение двадцати минут вел неравный бой. Сын тульского оружейника, бесстрашный летчик Алексей Пошишолин и его боевые друзья сражались за Родину до последнего дыхания...

Бомбардировочные удары, нанесенные на главных рубежах по вражеским коммуникациям, сыграли немаловажную роль в окончательном изгнании оккупантов с ленинградской земли.

Нелегко далась эта победа. Много товарищей пали смертью храбрых. В один из майских дней погиб и мой фронтовой друг Василий Павлович Кошелев.

Но герои не умирают, их имена вечно живы в сердцах однополчан, в памяти народной.

На Ленинградском фронте 325-й полк совершил около двух тысяч боевых вылетов. Советское правительство высоко оценило заслуги авиаторов - 189 моих однополчан были награждены орденами и медалями. Наша часть была отмечена в приказе Верховного Главнокомандующего.

Особо важное задание

1

Весной 1944 года одиннадцать человек из авиационной части, которой командовал Николай Григорьевич Афонин, получили назначение в 340-й бомбардировочный полк. Все мы уже сидели в самолетах, ожидали вылета куда-то на Украину.

Штурмана эскадрильи Николая Семеновича Фетисова перевели штурманом новой части, командира отряда капитана Антона Александровича Бобрышева командиром, а меня штурманом первой эскадрильи, старшего лейтенанта Герасима Ивановича Селиверстова и лейтенанта Юрия Евгеньевича Волкова - командирами отрядов.

- Не забывайте боевых традиций, друзья, - напутствовал подполковник Петросянц.

- Я полагаю, что доверие командования вы оправдаете с честью! - сказал Н. Г. Афонин.

Мы тепло простились. Летчики дали газ, и Ли-2, качаясь на неровностях, пошел на старт. Над Ленинградом самолет сделал прощальный круг, а через сорок минут вошел в плотный слой облаков. Над Брянскими лесами облака оборвались. Знакомая всем нам Десна извивалась под правым бортом. "Где теперь те мужественные люди, которые показали гитлеровцам, что хозяева Брянщины - партизаны, а не фашисты?" - думал я.

В Конотопе, где мы сели, было совсем тепло, даже жарко. Нас пришли встречать старые друзья. За пять месяцев разлуки соскучились. В военном городке я встретился со своей женой Лилией. Она работала в летной столовой.

- Каждый день ждала! - сказала она. Достав из сумочки вырезки из фронтовых газет, Лилия передала их мне.

На одной газетной странице я прочел статью "Месть летчиков-ленинградцев", на второй - репортаж о героизме авиаторов. Затем Лилия достала письмо и, передавая мне, сказала:

- Давно лежит, но не пересылала, боялась расстроить.

- А что случилось? - с нетерпением спросил я.

- Убили Мишу...

Миша - мой средний брат. Он жил в Ташкенте, преподавал математику в 89-й средней школе. Когда разгорелось пламя войны, ушел защищать Родину. Окончив Краснознаменное пехотное училище имени В. И. Ленина, получил направление на фронт. 24 декабря 1943 года в боях за освобождение Украины Михаил погиб. Позже я узнал, что его могила находилась в двухстах метрах от дороги, идущей из села Ульяники в Щучик. В 1965 году его прах перенесли в братскую могилу в село Ульяники, Кагарлыкского района, Киевской области.

Не суждено было Михаилу увидеть жену Марию и дочурку Лену, родившуюся без него.

- Если родится дочь, назови Леной, - сказал он супруге, уходя на фронт.

Так Лена не увидела отца и даже не знает его. Но когда я увидел ее, мне показалось, что в комнату вошел мой брат. Какое удивительное сходство! И каштановый цвет густых волос, и вдумчивые голубые глаза, и даже ее манера держаться - все напоминало его, Михаила.

Я достал из чемодана сохранившееся письмо брата. На пожелтевшем листке химическим карандашом было написано: "Мы выполним долг перед Родиной!"

Да, он выполнил свой долг. 9 мая 1945 года стрелковая рота, которой он командовал, праздновала победу в Берлине...

Утром мы распрощались с гостеприимным Конотопом и поездом выехали в Нежин, чтобы научить молодежь громить врага, добить его, помочь народам Европы сбросить фашистское иго.

На большом летном поле стоял самолет Ли-2, около которого суетились мотористы, механики и бортовые техники. Инженер что-то объяснял им. Шли занятия. А чуть поодаль на зеленой полянке сидел человек. Увидев нас, он встал. Плотный, среднего роста майор, на его груди - Золотая Звезда.

Это командир полка Степанов Федор Федорович. Ему было около тридцати лет, а виски уже тронула седина. С открытого русского лица смотрели на нас голубые глаза.

- Наконец-то дождались! - радостно воскликнул он, пожимая нам руки. Теперь дело пойдет быстрее. Наш полк ждут на фронте.

Вскоре нам стало известно, что Ф. Ф. Степанов родился в 1913 году в Крыму, в семье служащего. В 1932 году окончил Качинское военное училище летчиков. В 1934 году принимал участие в спасении челюскинцев. В 1934-1936 годах был шеф-пилотом В. К. Блюхера.

Война застала Степанова под Смоленском, в 1-м тяжелом бомбардировочном авиационном полку, где он был командиром отряда. Звание Героя Советского Союза ему присвоено в 1942 году. Тогда он летал бомбить врага в Орше, Минске, Алсуфьеве и Сеще, откуда гитлеровские летчики делали налеты на Москву. Уже тогда Ф. Ф. Степанов совершил 170 боевых вылетов.

В сжатые сроки под руководством командира полка опытные офицеры подготовили молодых авиаторов к боевым действиям, и вскоре полк приступил к выполнению поставленных перед ним задач.

5 июня наша дивизия принимала участие в массированном налете на крупный железнодорожный узел, где сосредоточивались неприятельские войска, перебрасываемых из Германии. Надо было дезорганизовать движение.

Была на редкость хорошая погода. С безоблачного неба щедро светила луна. По отблеску рельсов железной дороги ориентироваться было легко. Гул приближающихся советских бомбардировщиков наводил страх на гитлеровцев. Они открыли заградительный огонь. Но наши самолеты, пилотируемые хорошо подготовленными летчиками, преодолели его.

Первый эшелон бомбардировщиков разбил склады с горючим, бомбами и боеприпасами, второй подавил прожег; торы, зенитки и пулеметы, третий обрушил фугаски на железнодорожную линию, забитую воинскими эшелонами.

В следующую ночь мы повторили бомбардировочный удар. Сгорело много эшелонов врага, выведен из строя железнодорожный узел. Гитлеровцы так и не могли восстановить его.

Об удачном налете сообщалось в сводке Совинформбюро. В ней говорилось, что "в результате бомбардировки возникло до 90 очагов пожара. Горели железнодорожные составы, станционные здания и военные склады противника. Пожары сопровождались сильными взрывами. Пулеметно-пушечным огнем обстреляно и подожжено несколько эшелонов... Пламя пожаров летчики наблюдали при уходе от цели с расстояния более 100 километров. Все наши самолеты вернулись на свою базу".

9 июня в Варваровку прилетел командующий авиацией дальнего действия Главный маршал авиации Александр Евгеньевич Голованов. Он поздоровался с нами. Здесь были офицеры трех полков, штаба дивизии. Более двух часов длилась интересная беседа командующего с летчиками.

- У кого есть вопросы? - спросил Голованов.

У меня был вопрос личного характера. Дело в том что на должность штурмана эскадрильи, которую я исполнял почему-то

прислали другого офицера. Именно об этом я и сказал командующему.

- Кто послал капитана Гнедых в полк Степанова? - спросил он.

- Я, - ответил главный штурман АДД полковник Петухов. - Получилось недоразумение.

- Капитана Гнедых откомандировать на прежнее место. Штурманом эскадрильи оставить товарища Черешнева, - приказал Главный маршал авиации.

Много вопросов личного характера было разрешено в этот день в нашей дивизии.

2

За три недели мне удалось вывезти на боевые задания всех штурманов своей эскадрильи. Мы бомбили железнодорожные узлы и аэродромы противника в Пинске, Бобруйске, Могилеве, Белостоке, Бресте и других пунктах.

28 июня 1944 года готовились к очередному вылету. По указанию старшего штурмана полка майора Н. С. Фетисова проложили на полетных картах линию маршрута., Она шла от Новоград-Волынска через Сарны на Лунинец. Окаймленный густым лесом железнодорожный узел был перекрещен красным карандашом.

- Это и есть наша цель, - сказал командир полка. - Партизаны сообщили, что сегодня туда прибыли три эшелона вражеских войск. Их надо уничтожить. Будьте повнимательней. Бой истребителям не навязывать. Наша задача бомбометание.

Когда наступили сумерки, самолеты поднялись в воздух. Налет был исключительно дерзким. От взрыва бомб и пожаров небо стало оранжевым.

После этого вылета ко мне подошел старший врач полка капитан медицинской службы Я. Д. Леонов.

- Как себя чувствуете? - спросил он.

- Терпимо.

- Э, батенька, так не годится. Надо в санаторий ехать, подлечиться, отдохнуть.

Яков Дмитриевич давно настаивал на том, чтобы отправить меня на стационарное лечение в госпиталь, подлечить желудок, который побаливал с лета 1943 года, когда я вернулся из тыла врага. Но я продолжал летать. На этот раз мне не удалось избежать медицинской опеки.

Дивизионный санаторий был расположен в живописном местечке недалеко от станции Полонное. Большое белое здание стояло на полуострове, вдававшемся в прозрачные воды озера.

В санатории я встретился со своим давним другом

штурманом эскадрильи 325-го полка нашей дивизии капитаном Петровым Евгением Ивановичем. С ним и проводил свободное время. Мы увлекались рыбалкой, часами просиживали в небольшой лодке, не спуская глаз с зеленых поплавков.

До конца назначенного срока нам не пришлось побыть в санатории: наши полки перебазировались на новые аэродромы, ближе к государственной границе Советского Союза.

Возвратившись в часть, я перелетел вместе с товарищами в район Львова. Старшие начальники объяснили нам, что обстановка требует немедленной переброски самолетами на помощь восставшим словакам 2-й чехословацкой парашютнодесантной бригады, специально обученной для ведения боя в тылу врага. Эта задача возлагалась на авиакорпус, которым командовал генерал-лейтенант Счетчиков Георгий Семенович. В предстоящей операции должна была принять участие и наша 54-я дивизия (полки А. Г. Езерского и Н. Г. Афонина в полном составе, а от Ф. Ф. Степанова - несколько опытных экипажей).

Всем, кто когда-то воевал в полку Счетчикова или слышал от ветеранов об этом замечательном командире, было приятно, что соединение тяжелых бомбардировщиков возглавляет именно он. Мы знали, что, будучи заместителем командира 45-й дивизии АДД, Г. С. Счетчиков летал на самолетах Пе-8. Он водил эти четырехмоторные гиганты в глубокий тыл противника и наносил бомбардировочные удары по военно-промышленным, административным и политическим центрам врага.

В мае 1943 года Счетчикова назначили командиром 62-й дивизии АДД, которая после освобождения Донбасса была переименована в 9-ю гвардейскую. С апреля 1944 года Георгий Семенович стал командовать 4-м Гомельским корпусом АДД.

Партизанский аэродром, куда предстояло возить десант и грузы, находился в глубоком тылу противника, на берегу горной реки Грон, рядом с городом Зволен. Для подготовки площадки к приему самолетов в районе горного плато с первой машиной вылетели четыре авиатора во главе с полковником Чирсковым. За короткое время площадка была подготовлена. Вместо электрического "Т" посадочного знака - на партизанском аэродроме Три Дуба загорелись фонари "летучая мышь". Вскоре в эфире появились первые сигналы приводной радиостанции "Ястреб".

В то время когда полковник Чирсков готовил аэродром, подготовительную работу проводили и мы. С самолетов Ли-2 было снято бомбардировочное вооружение, что способствовало увеличению грузоподъемности. Облегченная машина могла брать

не только больше людей, но и полевые орудия, минометы, даже военные автомобили. Район полета изучали по картам, тренировались в посадке на незнакомых аэродромах ночью. Но вот погода, как назло, пришила нас к земле. Карпаты покрылись облаками. Ненастье угнетало всех, а особенно чехословацких десантников. Мы понимали наших друзей - им хотелось быстрее попасть на родную землю, вступить в схватку с врагом.

Только в конце сентября с аэродрома Кросно, где была сосредоточена десантная бригада, поднялась большая группа самолетов. За штурвалом нашего Ли-2 - ветеран войны, один из опытных летчиков, командир первой эскадрильи 340-го полка майор Бобрышев Антон Александрович. На втором сиденье энергичный лейтенант Александр Беляев. Борттехник - Николай Палладий, радист - Гурбат Рзаев. А в фюзеляже расположились 20 чехословацких воинов. Все они хорошо одеты, отлично вооружены и в любую минуту были готовы вступить в бой.

За линией фронта облачность стала сгущаться, и майор Бобрышев, увеличив обороты моторов, вывел машину выше облаков. Высота 4100 метров, сверху чистое, словно омытое, небо. Луна осветила одну из горных вершин, которая осталась не закрытой облаками. В самолете стало прохладно. Десантники молча прижимались друг к другу, поглядывая в окна.

Настраиваю радиополукомпас на "Ястреба", стрелка прибора вяло показывает направление.

- Слабый привод, - говорит Беляев.

- Еще далеко, - успокаивает его командир. Радист Рзаев передал мне полученную радиограмму: облачность в районе цели 10 баллов, нижняя кромка 600 метров. О возвращении не могло быть и речи. В окна пристально смотрят люди, истосковавшиеся в войну по родной земле. Они то и дело смотрят вниз, ждут посадки. Мыслимо ли в эти напряженные минуты ожидания и надежды сказать: "Возвращаемся?" Мне, штурману, тоже хотелось увидеть хоть какой-либо просвет в этой серой мути облаков.

Как только я сказал, что расчетное время вышло, майор, сбавив обороты моторов, ввел машину в спираль, и мы начали снижаться. Самолет делал круги, стрелка высотомера быстро перемещалась: 4100, 3700, 2900, 1000... А земли все еще не видно.

Бобрышев поправил шлем, сказал:

- Штурман, проверь расчеты!

- Единица, единица, - услышали мы в наушниках, - вы над нами, продолжайте снижение!

Командир снова повел Ли-2 вниз. 900, 800, 600...

- Земли никто не видит? - спросил майор. Наконец на 550 метрах показалась земля. Она была необыкновенно черной. Все облегченно вздохнули. Пассажиры как по команде прильнули к окнам. Под нами город Зволен, а немного левее - линия огней. Фонари "летучая мышь" показывали аэродром.

Майор Бобрышев отлично сажает самолет. Но что это? К машине бегут офицеры в немецких фуражках! Борттехник Палладий, захлопнув дверь, бросился в пилотскую кабину:

- Запускай моторы, немцы!

Командир хохочет.

- Эх, ты, друг, штурману не веришь?

- Да ведь сразу не разберешься, - оправдывается Палладий.

Он бежит к двери, но к ней не подступиться. Десантники столпились у выхода и на родном языке отвечают на вопросы, которые задают земляки, находящиеся за бортом. Борттехник все же открыл дверь, и земляки по-братски обнялись.

Мы попрощались, взлетели и легли на обратный курс.

В последующем на подобные боевые задания я летал с капитаном Селиверстовым Герасимом Ивановичем. Он всегда верил штурманским расчетам. И только стоило сказать: "Под нами аэродром Три Дуба", как Герасим Иванович начинал снижаться. Он не любил возвращаться, не выполнив задания, водил самолет на аэродром повстанцев в любых метеоусловиях.

В нескольких полетах командиром нашего корабля был веселый и мужественный летчик - старший лейтенант Христофоров Михаил Яковлевич. Однажды, возвращаясь домой, мы подлетали к линии фронта. Нас атаковали два истребителя противника. При лунном свете хорошо было видно, как стервятники разворачивались и парой шли в атаку. Христофоров быстро принял решение и бросил машину в облака, над которыми мы шли. Изменив курс на 90 градусов, мы ушли от преследователей.

3

Наши полеты в Словакию приносили много хлопот гитлеровцам, и они решили уничтожить повстанческий аэродром. В направлении Зволена фашисты бросили восемь дивизий, вооруженных танками и артиллерией. Отражая атаки врага, повстанцы проявляли исключительную самоотверженность. Они теряли своих товарищей, но продолжали удерживать свою базу. Наконец, сконцентрировав все силы в единый кулак, десантники контратаковали гитлеровцев и отбросили их за Ялну.

Аэродром Три Дуба походил на крупный аэропорт, где беспрерывно производятся взлет и посадка самолетов. Мы перевозили не только людей, но и грузы. Несколько опережая

события, скажу, что, по данным чехословацкой печати, в Словакию из Советского Союза было направлено: 2082 автомата, 630 винтовок, 467 ручных, 90 станковых и 23 зенитных пулемета, 256 противотанковых ружей и 5 минометов. На аэродром Зволен был переброшен и чехословацкий авиационный истребительный полк, который вел упорную борьбу с врагом, поддерживая повстанцев с воздуха.

Гитлеровцы бросили в бой ночную истребительную авиацию, поэтому полеты тяжелых кораблей в глубокий тыл противника без сопровождения стали сложнее. И все-таки мы продолжали выполнять свой интернациональный долг, совершая дерзкие полеты через Карпаты.

В одну из темных октябрьских ночей 1944 года погиб экипаж самолета, где командиром был мой фронтовой друг и однополчанин Рустемов Курал Рустемович.

Выполнив задание, Рустемов взлетел с аэродрома Три Дуба. На высоте 800 метров в районе Зволена его машина была атакована истребителем противника. Пользуясь преимуществом в скорости и маневре, фашистский стервятник бросался на Ли-2 то с одной, то с другой стороны. Но воздушные стрелки отбили наскоки "мессершмитта". Тогда враг зашел спереди. Курал Рустемов включил фары. Яркие лучи внезапно появившегося света ослепили гитлеровца, и он исчез.

Поврежденный корабль вести было невозможно, и командир решил произвести вынужденную посадку. Недалеко от города Брезно Ли-2 вовсе перестал подчиняться воле летчиков и загорелся...

Много лет спустя я получил письмо из города Брезно. В нем сообщалось, что на могиле экипажа К. Р. Рустемова установлен обелиск, на котором написаны имена авиаторов и текст: "Вечная слава героям СССР, погибшим в октябре 1944 года у города Брезно".

Части корпуса генерал-лейтенанта авиации Г. С. Счетчикова не только летали на аэродром повстанцев, но и наносили бомбардировочные удары по скоплению гитлеровских войск на узловых железнодорожных станциях в прифронтовой полосе Карпат, оказывая помощь Чехословакии в изгнании врага с ее территории.

Летчики, штурманы, воздушные стрелки и техники не считались ни с какими трудностями. Советское правительство высоко оценило ратные подвиги однополчан. Большинство из них были награждены орденами и медалями СССР, а заместитель командира эскадрильи 340-го полка АДД капитан Васильев Алексей Александрович удостоен Золотой Звезды.

С Васильевым я встретился в городе Нежин. Был жаркий июньский день 1944 года. Большой аэродром представлял собой как бы учебный центр. Одни авиаторы отрабатывали взлет и посадку, другие уходили в зону и стреляли по конусам, а третьи летали по маршрутам. У стартовой машины дежурил молодой коренастый капитан. Он зорко смотрел в небо и подавал команды в микрофон. Выбрав свободную минуту, мы побеседовали.

Родился Алексей Александрович в 1919 году в семье крестьянина под Ленинградом. После школы окончил аэроклуб. Проработав в нем год, ушел в армию, где приобрел специальность авиационного моториста. Затем переучился на летчика и стал пилотом на ТБ-3. До 1942 года совершил 240 боевых вылетов. В период Сталинградского сражения вступил в партию.

С апреля 1944 года А. А. Васильев в 340-м бомбардировочном авиаполку. Будучи заместителем командира эскадрильи, совершил 30 боевых вылетов. Майор Степанов поручал ему наиболее ответственные задания.

В Зволенской операции А. А. Васильев принимал самое активное участие. В одну из ночей ему приказали перевезти ценный груз с Малой земли на Большую. Партизанский аэродром Три Дуба был закрыт облачностью, шел сильный дождь. Но бесстрашный летчик пробил толстый слой облаков и с честью выполнил государственное задание.

Победные маршруты

1

В пору военного лихолетья, когда на земле и в небе гремели жестокие бои, когда каждый из нас пылал ненавистью к врагу и не особенно вдавался в детали биографий и судеб однополчан, - в ту пору мы, выполняя сыновний долг перед Родиной, были вроде бы все равны. Все - воины, все делали одно святое дело - били чужеземца, гнали его на запад, бились не ради корысти и славы, а ради жизни на земле. И только теперь, четверть века спустя, отчетливо осознаешь, что не все воевали одинаково, что меру ратных свершений нельзя разложить поровну на плечи каждого...

Был в нашем полку Георгий Васильевич Помазков. Ни чином особо не знаменит - майор, ни должностью - заместитель командира эскадрильи. Летал, не сетуя на трудности (у него были больные ноги), днем и ночью. И как летал! Прежде чем говорить об этом, хотелось бы кратко рассказать о нем.

Родился Георгий Васильевич в 1906 году в Ростове, в семье кузнеца. Отец был бунтарем по натуре, не терпел несправедливости. По этой причине его неоднократно увольняли с работы, и в поисках нового пристанища приходилось перекочевывать то в Армавир, то в Грозный. Василий Иванович

принимал активное участие в революции, был бойцом 1-го Пролетарского батальона, храбро сражался с белогвардейцами в Грозном. В 1918 году враги схватили его, посадили в тюрьму. Там он и погиб.

После смерти отца белые выгнали семью Помазневых из казенной квартиры на улицу. В тринадцать лет Грише пришлось добывать хлеб для семьи. Вначале он работал подводчиком, затем рассыльным. Одновременно учился. Получив специальность токаря, работал в механических мастерских нефтяных промыслов. В 1923 году вступил в комсомол, а в 1925 году стал коммунистом.

В 1928 году Помазков был призван в Красную Армию. После службы окончил летную школу и был направлен на Дальний Восток, участвовал в боях на Халхин-Голе. В 1939 году его перевели в Краснодарское летное училище. Он летал на самолете ТБ-3. Был командиром корабля. За отличные успехи в службе его назначили командиром отряда.

С первых дней войны Г. В. Помазков был командиром отряда в 325-м бомбардировочном полку. Он сражался под Москвой, на Кавказе, в Крыму и на Курской дуге. За образцовое выполнение заданий командования на фронтах Великой Отечественной войны и проявленные при этом мужество и отвагу был награжден орденом Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, медалями. В апреле 1944 года его назначили заместителем командира эскадрильи в 340-й полк.

В ноябре 1944 года Георгий Васильевич был назначен командиром эскадрильи в 23-й гвардейский бомбардировочный полк авиации дальнего действия. Проводить Помазкова собрались все сослуживцы. Теплыми, душевными были минуты прощания. А когда самолет поднялся над аэродромом Кросно, однополчане стали рассказывать молодым авиаторам эпизоды из боевой жизни Помазкова.

...Осенью 1941 года Г. В. Помазков, выполнив задание, возвращался на свой аэродром. В районе Белгорода его обстреляли вражеские зенитчики. Самолет загорелся, и раненый летчик выпрыгнул с парашютом. Он сумел выдернуть вытяжное кольцо парашюта, но, ослабев от потери крови, ударился о землю и сильно повредил ноги. В тяжелом состоянии его доставили в госпиталь. Но коммунист Помазков не мог спокойно лежать в госпитале, хотя его раны еще не зажили. Он добрался до родного полка, доложил командиру:

- Товарищ майор, я выздоровел. Разрешите приступить к выполнению боевых заданий?

Г. С. Счетчиков понимал, что перед ним человек, который

всем своим сердцем ненавидит врага и рвется в бой.

- Может, повременишь?

- Не беспокойтесь, - ответил Помазков, - я уже окреп.

- Ну добре, полетим вместе.

Обстановка на фронте требовала сковать действия вражеских сил, нарушить работу железнодорожного узла Ржев и тем самым выиграть время для перегруппировки советских войск, оборонявших столицу на ее дальних подступах. В выполнении этой задачи приняли участие и бомбардировщики Г. С. Счетчикова.

Командир полка, Г. З. Кацюржинский, Г. В. Помазков и другие коммунисты взлетели первыми, за ними поднялись остальные. В ту осеннюю ночь им предстояло нанести бомбовый удар по узловой станции, где фашисты сконцентрировали большое количество техники.

Очевидцы вспоминают, что над Ржевом творилось что-то невообразимое. Небо беспрерывно лизали огненные языки разрывов вражеских снарядов. На подступах к цели пулеметные трассы, точно молнии, рассекали ночную тьму. Земля ежеминутно вздрагивала. Мощные взрывы авиабомб взметали дымные смерчи.

На первом же заходе самолет Помазкова был схвачен лучами прожекторов. Черные шапки от разрывов снарядов все плотнее окружали ТБ-3. Вот уже по гофрированной обшивке машины громят осколки. Но Помазков, несмотря ни на что, заходит на цель. Потом еще и еще. За семь заходов экипаж сбросил 2800 килограммов бомб. Затем летчик повел корабль на штурмовку немецкого гарнизона. С боевого задания он прилетел позже других. На его самолете насчитали более 300 пробоин.

Разговор о Помазкове продолжался.

- Да, он дрался как богатырь, - сказал старший штурман полка Николай Семенович Фетисов. - Я летал с ним в качестве штурмана осенью сорок второго года, когда наши экипажи помогали партизанам, действовавшим в Крыму. Помазков первым проложил воздушную трассу ночью в горах.

Как бы вспоминая минувшее, майор Фетисов немного помолчал, потом продолжил рассказ:

- Одно время партизаны Крыма были отрезаны от баз снабжения, оказались в крайне тяжелом положении. Еще летом командование принимало меры к тому, чтобы облегчить участь народных мстителей, теснимых врагом, но экипажи, которые посылали к ним, терпели неудачу. 11 сентября 1942 года и мы получили задание на вылет к партизанам. В первом полете сбросили продовольствие. Из отряда сообщили, что сброшенный

груз спас жизнь многим людям. Майор Помазков решил летать ежедневно, и ему удалось выполнить задания 12, 13, 15 и 16 сентября. Партизаны были обеспечены продовольствием полностью. Но у них накопилось много раненых.

- А приземлиться было нельзя? - спросил кто-то из молодых летчиков.

- Можно, конечно, но трудно. И все же мы рискнули, - сказал Фетисов, пошли на посадку. Но подул попутный ветер, и пробег самолета оказался большим, чем рассчитывали. ТБ-3 правым колесом наскочил на камень. Сорвало покрышку. Что делать? Кругом немцы, причем очень близко. Кое-кто из партизан предлагал сжечь самолет. Однако Помазков не согласился. Мы усадили раненых партизан, выровняли нагрузку и начали взлет. Балансируя на одном колесе, тяжелая машина с тридцатью пассажирами пробежала по каменистому полю, поднялась. Но как только мы оказались над Черным морем, отказал один мотор. Сколько потребовалось выдержки командиру, который отвечал за экипаж, за раненых, за самолет! Но Георгий Васильевич нашел силы привести корабль на адлеровский аэродром и посадить ночью на одно колесо.

Фетисов достал из кармана лжлок пожелтевшей от времени бумаги:

- Вот письмо от партизан.

"Уважаемые товарищи Помазков и Фетисов!

Нет слов для выражения благодарности за вашу большевистскую заботу, смелость и отвагу, за мастерство, инициативу и оказание помощи сотням партизан Крыма, столь остро в ней нуждавшимся. Нет слов, чтобы передать вам нашу радость в те минуты, когда появился ваш корабль, сбросил груз и совершил посадку, а затем взлетел с ранеными. Свои чувства радости и благодарности мы посылаем вам в ответ на ваши сигнальные огни!"

Подошел автобус, и мы поехали в город. Сидели молча, каждый находился под впечатлением проводов близкого нам человека, рассказов о нем.

Несколько позже я узнал, что гвардии майор Г. В. Помазков смело воевал до самого Дня Победы, был прекрасным наставником молодых авиаторов. Болезнь не позволила ему продолжать службу в мирное время, и он уволился в запас. Прогрессирующая гангрена оборвала его жизнь в 1958 году. Именем Г. В. Помазкова назван один из пионерских отрядов 52-й средней школы в Грозном.

2

В ноябре 1944 года 325-му бомбардировочному авиаполку

было присвоено звание гвардейского. Это знаменательное событие порадовало всех авиаторов, которые воевали в части Н. Г. Афонина.

Я с особым удовлетворением поздравил своих прежних сослуживцев.

Им было чем гордиться. За три года они совершили 4150 боевых вылетов, уничтожили 162 самолета противника и 17 зенитных батарей, подожгли 24 эшелона с техникой и живой силой, взорвали более 90 складов с горючим, боеприпасами и другими материалами.

Афонинцы построились и вышли на летное поле большого аэродрома в Куровицах. Под Знамя части встал ветеран полка капитан Ткачев, а под гвардейское - ветеран войны майор Степин Павел Николаевич. Командир полка принял гвардейское Знамя, опустился на колено.

- Слушай нас, Родина! - торжественно произнес он.

- Слушай нас, Родина! - повторили слова клятвы летчики, штурманы, воздушные стрелки-радисты, инженеры и техники.

- Мы клянемся еще беспощаднее бить врага, неустанно прославлять грозную силу советского оружия!..

325-й бомбардировочный полк стал 29-м гвардейским.

* * *

А тем временем мы продолжали летать к чехословацким партизанам, наносили удары по военным объектам в логове врага.

Особенно запомнилась мне одна зимняя ночь. Получив задание, экипажи разошлись по самолетам. На нашей машине был установлен фотоаппарат для фотографирования результатов бомбометания по крупным военно-промышленным объектам. Проверив крепление аппарата и подвеску ФОТАБов, мы с Герасимом Ивановичем Селиверстовым отошли в сторону покурить. Темноту ночи разрезал свет белой ракеты. Со старта пошла на взлет тяжело груженная машина. В конце разбега она подпрыгнула, поднялась. Но едва самолет скрылся за пределами, аэродрома, раздался взрыв. Взлет остальным самолетам запретили. Мы пошли на командный пункт.

На КП находился командир дивизии генерал-майор авиации Щелкин. Он долго всматривался в зарево, где догорала взорвавшаяся машина. Командир полка, начальник штаба, все офицеры тяжело переживали трагедию. И вдруг открылась дверь. Вошли трое. Подполковник Степанов бросился навстречу. Перед ним как ни в чем не бывало стоял командир корабля лейтенант Ильин. Молодой офицер виновато моргал, стряхивая с ушанки снег. Рядом с ним топтались второй пилот младший лейтенант

Деревнин и штурман корабля лейтенант Назаров.

Оказалось, Ли-2, загруженный толом для чешских партизан, на взлете ударился о пульмановский вагон железнодорожного состава и взорвался.

- Как же вы уцелели? - спросил Степанов.

- Увидели, что загорелся тол, и выпрыгнули в астролюк.

Впоследствии выяснилось, что причиной происшествия явилось внезапно возникшее над аэродромом интенсивное обледенение.

...Форсировав реку Одер, наши части продвигались вперед. Город Бреслау остался в тылу. Сорокатысячный фашистский гарнизон оказался полностью окруженным, но гитлеровцы не сдавались. Битва за освобождение Бреслау принимала ожесточенный характер. Дивизии генерала Щелкина приказали нанести по группировке фашистов ряд сокрушительных ударов с воздуха.

Погода была летной, видимость отличная. На небе ни облачка. Мы с майором А. А. Бобрышевым прилетели первыми, сбросили осветительные бомбы. Крупный город на Одере виден как днем. Хорошо просматривались мосты, кварталы многоэтажных домов, улицы. Бобрышев развернул самолет, и мы стали заходить на цель. Мы должны были бомбить ипподром, куда гитлеровская транспортная авиация доставляла грузы для окруженных войск.

В небе кружились самолеты Ю-52, и переполошенные зенитчики, не разбирая, где свои, где чужие, вели огонь из автоматических пушек. Однако это не помешало нам сбросить бомбы точно в цель. Развернувшись для следования в обратный путь, мы увидели огненный факел, двигавшийся на восток. Внизу мелькнули белые купола парашютов.

На командном пункте стало известно, что с боевого задания не вернулся экипаж старшего лейтенанта Христофорова Михаила Яковлевича.

Полк продолжал наносить удары по окруженному гарнизону в Бреслау. Гитлеровцы не выдерживали ночных бомбежек. Как только наступали сумерки, они уходили из города на окраину, ближе к линии фронта, но там их били наши войска из орудий и пулеметов.

Утром, когда по радио передали сводку Совинформбюро о взятии нашими войсками города Бреслау, в полк вернулся Христофоров. В госпитальной куртке, громыхая костылями по деревянному полу общежития, он прошел к столу и устало присел. Парашют его раскрылся на малой высоте. Сильный удар в ноги - и потерявшего сознание летчика принесли в полевой

госпиталь.

- В полку я быстрее встану на ноги, - упрашивал он врачей.

И добился своего.

Увидев Христофорова, мы поздравили его с возвращением, подхватили на руки и начали качать. В это время в общежитие зашел начальник оперативного отдела старший лейтенант Гриднев с телеграммой в руках.

- Слушайте новость, - сказал он. - За отличное выполнение поставленной задачи по уничтожению окруженной группировки противника триста сороковому авиационному полку Орловской дивизии присвоено наименование Бреславского.

- Ур-р-р-а-а! - снова раздался радостный возглас.

На бледном лице Христофорова показался румянец.

3

В полк пришла еще одна радостная весть. Указом Президиума Верховного Совета СССР Северьяну Петровичу Тимофееву было присвоено звание Героя Советского Союза. Мы от души поздравили его с высокой наградой и пожелали ему новых боевых успехов.

- Теперь у нас три Героя, - пожимая руку Северьяну, сказал майор Бобрышев. - Командир полка, Васильев и вы.

- Я считаю, что все наши летчики дерутся с врагом героически, - ответил Тимофеев. - Своими успехами я обязан старшим товарищам, всему коллективу нашей части.

Авиатором Северьян Петрович стал до Великой Отечественной войны. Воздушным стрелком-радистом на самолете ТБ-3 принимал он участие в прорыве линии Маннергейма. А в годы Великой Отечественной войны совершил более трехсот боевых вылетов в глубокий тыл противника.

...Советские войска вели упорные оборонительные бои под Ленинградом, и С. П. Тимофеев летал в осажденный врагом город, доставлял оружие, продовольствие и медикаменты. (Штурманом Северьян стал после окончания войны с Финляндией.)

Помощи от авиаторов ждали и конники генерала Белова, оказавшиеся во вражеском окружении. Загруженный минами, запалами и продовольствием ТБ-3 с малой высоты ночью сбрасывает большие мешки над заданной целью. Тяжелую машину атаковал истребитель противника. В неравном бою ранило борттехника, радиста, воздушных стрелков. Штурман Тимофеев не растерялся. Он принял на себя обязанности всех вышедших из строя боевых друзей. При свете переносной лампы он перекрывает кран бензобака загоревшегося мотора и тушит пожар. Затем, поставив курс на свой аэродром, перевязывает

раненых товарищей.

В июне 1942 года в полк поступили сведения о скоплении гитлеровцев под Воронежем. На бомбардировку вражеских войск воздушный корабль ведет штурман Тимофеев. Между двумя озерами в лесной роще он обнаружил колонны гитлеровцев и сбросил на них две тонны осколочных и тонну фугасных бомб.

В одном из вылетов во время наступления наших войск под Ржевом Тимофеев был тяжело ранен. Но он не покинул свою вахту. Перевязав раны, Северьян поставил компас на обратный курс и пришел на помощь раненым товарищам.

Москва моя, страна моя, ты самая любимая,

- пел он, заглушая боль. Показав летчикам свой аэродром, штурман потерял сознание.

Его доставили в один из московских госпиталей. Там он пролежал 45 суток и вернулся в родной полк. На другой же день снова повел бомбардировщик на боевое задание.

Трудно перечислить все подвиги, которые совершил Северьян Петрович Тимофеев.

Особое место в боевой работе всех полков 54-й дивизии АДД занимали полеты с разведчиками в глубокий тыл противника. Такие спецзадания, как их называли тогда, приходилось выполнять не только на нашей территории, занятой врагом. С разведчиками капитан Тимофеев и другие штурманы летали в Польшу, Чехословакию, Германию и другие страны, оккупированные фашистами. Полеты эти доверялись наиболее опытным экипажам. Подполковник Ф. Ф. Степанов и майор Н. С. Фетисов лично подбирали для этой цели летчиков и штурманов.

26 апреля 1945 года в штаб полка вызвали командира корабля лейтенанта К. Г. Шакурова и меня.

- Есть очень ответственное задание, - сказал Ф. Ф. Степанов. - Надо выбросить под Прагой трех парашютистов.

- Мы готовы, товарищ подполковник, - ответил летчик.

Кабуша Гатиновича Шакурова я знал давно. Он обладал качествами смелого воина, отлично пилотировал самолет. Когда полк перелетел под Кросно, мы квартировали с ним в одном доме.

На стоянке самолетов все были в сборе, в том числе и трое парашютистов, одетые в чешские пальто и ботинки. Шакуров еще раз просмотрел маршрут, взял карту и, всматриваясь в линейные ориентиры, спросил меня:

- Как лучше выйти на цель?

- Вот здесь река и шоссейная дорога, они облегчат поиск цели, - ответил я.

В заданный район мы вышли точно в указанное время. Щедро

светила луна. Впереди виднелись очертания столицы Чехословакии Праги, а под нами блестела маленькая речушка.

Наши парашютисты прыгнули с 400 метров. Под нами как будто внезапно выросли три гриба. Это были белые парашюты. Но мы продолжали лететь вперед. Только через пятнадцать минут легли на обратный курс.

Полет оказался сложным. Как только мы развернулись и пошли на восток, на нас набросился "мессершмитт". Воздушный стрелок сержант Рзаев открыл ответный огонь. Он отбил три атаки врага. Шакуров сердился на луну.

- Как днем! - возмущался он и бросал машину то в одну, то в другую сторону.

На восьмой атаке кончились патроны в пулемете крупного калибра. Огонь с башенной турели прекратился. Трасса шла только из хвостового отсека борттехник Арсен Глебов не ослаблял огня.

Выпустив шасси, Шакуров убрал газ и, отдав от себя штурвал, начал резкое снижение. Видимо, гитлеровский стервятник решил, что Ли-2 сбит. Он прекратил огонь, но ходил по кругу выше нас. У самой земли Шакуров дал газ, моторы взревели, и мы понеслись на бреющем полете.

Стервятник вошел в крутое пике. Сноп трассирующих пуль пересек нам маршрут. Командир резко развернул самолет на 180 градусов, враг проскочил и исчез. Больше мы не видели ни одного "мессера".

Это был наш последний полет. Через несколько дней война кончилась.

На всю жизнь запомнилось утро 9 мая 1945 года. На центральной площади города Кросно начальник штаба 340-го Бреславского полка Орловской дивизии АДД подполковник Георгий Степанович Бабенко построил личный состав для участия в параде войск гарнизона, посвященного победе над фашистской Германией.

Этот праздник ждали все народы мира, дождались и поляки. Они пришли посмотреть на советских солдат и офицеров, которые не щадили жизни для освобождения их земли от оккупантов.

Знамя части поручили нести Герою Советского Союза капитану Тимофееву, его ассистентами были ветераны войны майоры Петин и Засыпкин.

Под звуки оркестра, чеканя шаг, идут летчики, штурманы, стрелки, радисты, техники, механики, мотористы. Красиво, слаженно идут авиаторы. На груди у каждого - боевые ордена и медали. А над колонной воинов-освободителей гордо развевается

кумачовый стяг.

- Победа! Мир! - раздаются восторженные возгласы на русском и польском языках.

5 июля 1945 года с польского аэродрома Кросно наши самолеты поднялись в воздух и взяли курс на восток. Майор Бобрышев Антон Александрович был командиром группы, а я штурманом. За короткое время мы пролетели более 9000 километров и благополучно приземлились на одном из аэродромов Дальнего Востока.

Около месяца однополчане провели в напряженной учебе. А 9 августа по тревоге Ф. Ф. Степанов поднял бомбардировщики в воздух - мы вступили в бой с Квантунской армией. Эта армия была воспитана в духе фанатизма и насчитывала в своих рядах более миллиона человек. Долгое время она готовилась к нападению на советские войска на Дальнем Востоке. Но в ходе войны против гитлеровцев мы приобрели богатый боевой опыт, и нас не страшила армия японских самураев.

Все три полка Орловской дивизии, которой командовал генерал-майор Щелкин Василий Антонович, поддерживали действия Забайкальского фронта. Наш Бреславский полк обеспечивал стремительное наступление 6-й танковой армии генерал-полковника А. Г. Кравченко.

Через одиннадцать дней боев, 20 августа 1945 года, наша часть перелетела на освобожденный от самураев аэродром в Мукдене.

- Атамана Семенова поймали! - крикнул кто-то собравшимся у флагманского корабля летчикам.

Советские люди знали, что этот битый атаман с кучкой отъявленных головорезов бежал за границу. Там он не расставался с мыслью о том, чтобы "в удобный момент" вместе с японцами перейти границу СССР, напасть на заставы, а потом развивать наступление в направлении Забайкалья. Японская военщина снабжала его белогвардейскую банду в Северном Китае всем необходимым. Насчитывала она до 12-15 тысяч сабель.

Не сбылись воинственные мечты Семенова. Мы увидели плененного атамана в проходной мукденского аэропорта. Сидел он среди двух японцев, тоже пойманных нашими десантниками. Бывший атаман с монгольским лицом был одет в штатское. С табуретки свисали кривые ноги кавалериста, ботинки нервно шаркали, словно он искал под собой точку опоры.

У этих трех заядлых врагов Советской власти были желтые саквояжи. Они оказались наполненными золотом. Забрав награбленное, генерал, министр и атаман собрались лететь в Токио. Но вместо самолета с ковровым трапом они увидели перед

собой советских автоматчиков...

Напротив этой троицы на перевернутом ящике сидел богатырского вида сержант с автоматом и гранатами за поясом. Когда мы пришли в проходную, он спокойно сказал по-украински:

- И чего на цю гадость дывиться?!

Вскоре был арестован и глава марионеточного правительства Маньчжоу-Го император Пу-И вместе с его генералитетом. Помню, из Маньчжурии в Монголию, а затем в Читу императора с его свитой перевезли на самолете Ли-2, где командиром был подполковник Николай Григорьевич Афонин, а штурманом - майор Степин Павел Николаевич.

* * *

Забайкальский фронт успешно продвигался вперед. 6-я танковая армия, поддержанная авиацией, соединилась с войсками Дальневосточного фронта. Квантунская армия в короткий срок была разбита. Япония капитулировала. А 3 сентября 1945 года в городе Чаньчуне нам довелось отпраздновать день победы над Японией.

Итак, вторая мировая война отгремела. Все экипажи Бреславского полка приземлились на большом аэродроме в Хабаровске. Самолеты поставлены в линейку. У штабной палатки собрались офицеры, сержанты и солдаты Послышалась полковая песня. Потом грянула "По долинам и по взгорьям":

Разгромили атаманов,
Разогнали воевод
И на Тихом океане
Свой закончили поход.

Вскоре рядовые, сержанты и часть офицеров ушли в запас. Героя Советского Союза Ф. Ф. Степанова назначили командиром дивизии. Получили повышение по службе и другие однополчане. Родина высоко оценила ратный труд моих боевых товарищей. Они получили 1457 правительственных наград.

Четверть века спустя

1

Ежедневно почтальон приносит мне письма, в которых однополчане вспоминают минувшие дни, рассказывают о теперешней жизни.

Бывший командир корабля ТБ-3 Алексей Николаевич Шишигин живет в Москве. Его турбовинтовой лайнер стартовал с Внуковского аэродрома и садился во многих странах Европы и Азии. Годы идут, а он все еще не расстается с крыльями.

Юрий Евгеньевич Волков в 1951 году окончил Военно-воздушную академию, командовал авиационным полком. Ныне он - полковник запаса, работает инженером на одном из

подмосковных заводов.

Хачатур Сергеевич Петросянц живет в Ереване. Он тоже полковник запаса. Работает начальником отдела перевозок армянской авиагруппы, пишет книги о летчиках своей республики, прославляет их мужество и трудовые подвиги.

В Киеве работает внештатным инструктором райкома партии бывший командир эскадрильи полковник запаса Кацюржинский Григорий Захарович.

Штурман полка Степин Павел Николаевич продолжает служить в рядах Советской Армии. В мае 1966 года мне посчастливилось встретиться с ним. В столице живет и работает генерал-полковник авиации Георгий Семенович Счетчиков, в Подмосковье - полковник медицинской службы Ершов Виталий Павлович.

Герой Советского Союза генерал-майор авиации в отставке Степанов Федор Федорович живет в Киеве, Герой Советского Союза Тимофеев Северьян Петрович в городе Тосно.

Бывший стрелок-радист Воронов Константин Алексеевич работает начальником смены на одном из заводов в Туле.

Пасиченко Трофим Платонович ныне заместитель директора электромеханического завода в Грозном. В Грозном живет и семья Г. В. Помазкова.

В 1946 году приехал на свою родину, в Горьковскую область, Евгений Иванович Петров. Он имел право на заслуженный отдых, однако сразу же пошел на работу. Последние десять лет был секретарем райкома партии. Фронтовые раны подточили здоровье Евгения Ивановича. Его жизнь оборвалась в 1962 году.

От тяжелой и продолжительной болезни в 1958 году умер и бывший воздушный стрелок Иван Быченко.

В Сумской области живут родственники Ивана Григорьевича Петренко. На фотостенде Миропольского дома культуры среди героев-земляков есть и фотография Петренко. Исполком Совета депутатов трудящихся Краснопольского района принял решение занести имя Ивана Григорьевича на мемориальную доску Кургана Славы.

В Полоцке живет Владимир Иванович Пальчевский. Бывший воздушный стрелок-радист теперь шофер первого класса, водит легковые машины, выполняет большую общественную работу в профсоюзе.

Генерал-майор авиации Николай Григорьевич Афонин продолжает военную службу. Не один раз он был избран членом областного комитета партии.

В знаменательный день 25-летия победы над фашистской Германией ветераны нашего полка собрались вместе. Первым,

кого я увидел, был прежний командир третьей эскадрильи майор запаса Виктор Иванович Калыгин. Мы дружески обнялись.

Калыгин похудел, но голубые глаза его с прищуром все так же смотрели прямо и открыто. Ему уже пятьдесят седьмой, но он еще бодр, не перестает шутить:

- Сам-то еще в женихи гожусь, да вот нога...

- Беспокоит?

Он кивнул. А мне невольно вспомнилась темная ночь в июле 1942 года.

Под Вязьмой гитлеровцы дрались с ожесточением фанатиков. Потери восполняли за счет дивизий, прибывающих из Европы. На станции каждую ночь разгружались эшелоны с войсками и техникой. Туда и направил свой тяжелый бомбардировщик старший лейтенант Калыгин. С высоты 1500 метров штурман лейтенант Алексей Петрович Баженов сбросил бомбы. 2800 килограммов смертоносного груза сделали свое дело: внизу горели эшелоны врага, цистерны с горючим. Но и машина Калыгина оказалась изрешеченной. ТБ-3 дрожал, порой становился неуправляемым. Командир корабля был ранен в ногу. Только его мужество и высокое летное мастерство помогли сделать невозможное - привести четырехмоторный гигант на свою территорию...

Рядом здороваются еще два офицера.

- Яков!

- Александр!

Радость и слезы на глазах пожилых, уже поседевших людей. Это бывший начальник связи полка Александр Кириллович Савченко и старший врач Яков Дмитриевич Леонов. На груди Савченко орден Ленина, два ордена Красного Знамени, ордена Отечественной войны, Красной Звезды и множество медалей. Имеет награды и Яков Дмитриевич.

Александр Кириллович воевать начал с первых дней войны. Особенно трудно было под Москвой. Гитлеровцы стремительно продвигались к столице нашей Родины. Конница генерала Белова оказалась в окружении. Вот туда, на помощь конникам, и летал Савченко. На самолете ТБ-3 он был стрелком-радистом. Вел беспрерывную связь с командным пунктом полка, отражал атаки "мессершмиттов". С подмосковных аэродромов ночью экипаж доставлял красноармейцам питание и оружие, фураж для лошадей. Доводилось и прыгать с горящего самолета. Савченко уже шестьдесят, но выглядит он моложе своих лет. Красив, энергичен и по-прежнему замечательно поет.

Однополчане многим обязаны Якову Дмитриевичу Леонову. Все силы Яков Дмитриевич отдавал для спасения раненых. Он и

теперь врач в Ивано-Франковске. Да не только он сам, а вся его семья стоит на службе здоровья: жена - медсестра, старшая дочь - аспирант, младшая врач-невропатолог.

В плотном кольце ветеранов - бывший командир полка Ф. Ф. Степанов. Он приехал из Киева. Седой генерал не успевает обнимать подходящих к нему однополчан.

- И ты прибыл?! - спрашивает он человека в сером костюме, на груди которого горит Звезда Героя. - Молодец! - Степанов снова обнял Северьяна Петровича Тимофеева.

Это он, Тимофеев, выполнял особо важные специальные задания Степанова, летал в страны Западной Европы, был в небе Германии, Польши, Чехословакии, Франции и Италии...

Когда я смотрел на волнующую встречу людей, прошедших вместе грозные дороги войны, мне казалось: таких никто и ничто не разъединит. Они спаяны навечно каким-то особым сплавом грозного и героического времени.

В кругу однополчан были также штурман части Николай Семенович Фетисов, начальник штаба Георгий Степанович Бабенко, замполит Леонид Александрович Шадрухин, старший инженер по спецоборудованию Евгений Павлович Ячменев, штурман Юрий Миронович Бабичев, заместитель командира эскадрильи капитан Судаков Анатолий Иванович и другие.

Судаков летал в осажденный Ленинград, возил землякам на ТБ-3 продовольствие, а оттуда забирал больных, раненых, детей и стариков. В один из таких полетов на его самолет напали пять вражеских истребителей. Завязался неравный, смертельный бой. Неповоротливый четырехмоторный гигант загорелся. Прыгать с парашютом экипаж отказался - на борту люди. Пламя обжигало Судакову руки, лицо, но машину он все-таки посадил...

С А. И. Судаковым мне приходилось летать в годы войны на ответственные задания: на прорыв вражеских укреплений в Белоруссии, на помощь восставшим словакам, поддерживать с воздуха наступление 6-й танковой армии Забайкальского фронта в Маньчжурии. Не раз мы пролетали через горы седого Хингана в исключительно сложных метеорологических условиях. Не раз оказывались перед неминуемой гибелью. Но высокое летное мастерство, смелость и находчивость Судакова спасали нас от смерти. И вот через четверть века наша летная биография продолжается. Анатолий Иванович - командир турбовинтового лайнера Ил-18. Он поднимает его в воздух с аэродрома родного Ленинграда. Я работаю старшим инспектором по безопасности полетов в Оренбурге.

2

Допоздна мы вели оживленные разговоры. Нам было о чем

поговорить, что вспомнить. Безусыми, совсем юными ушли на фронт, война сделала нас взрослыми, жизнь - мудрыми.

- Давайте споем, друзья, - предложил Федор Федорович Степанов. - Нашу, полковую. Савченко запевает, мы подхватываем:

Эй, степановцы! Недаром
Мы грозны, как ураган,
Мощным бомбовым ударом
Бьем проклятого врага...

Эта песня вдохновляла летчиков Бреславского полка на боевые подвиги, придавала нам бодрости в годы войны. Написал ее старший лейтенант Михаил Христофоров. Это был весельчак и непоседа, любимец всей части. С ним члены экипажа уверенно вылетали на задания и знали, что опытный летчик направит самолет на заданную цель, с курса никогда не собьется...

В ночном саду, окружавшем здание, где собрались ветераны, защелкал соловей, и вспомнились стихи:

Вдруг тишь нахлынула сквозная,
И в полновластной тишине
Спел соловей, еще не зная,
Что он поет не на войне.

Нет войны! Это не только результат борьбы за мир миллионов бывших фронтовиков, но и свидетельство реальной мощи вооруженных сил несокрушимого лагеря социализма, и прежде всего СССР.

Далеко не обо всех однополчанах рассказал я в своей книге. Многие из них активно трудятся на заводах, фабриках, в колхозах и совхозах нашей необъятной Родины. Живые свято чтят память тех, кто погиб в ожесточенной борьбе с фашизмом. Память об их мужестве и отваге, беспредельной преданности Коммунистической партии будет вечно жить в наших сердцах. Каждый из нас, если понадобится, так же, как и они, не задумываясь, отдаст жизнь за Отечество.